

БИСМАРК

Николай
Власов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Николай Власов

Бисмарк

«ВЕБКНИГА»

2023

Власов Н. А.

Бисмарк / Н. А. Власов — «ВЕБКНИГА», 2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04795-2

«Железный канцлер» Отто фон Бисмарк заслуженно считается одним из крупнейших государственных деятелей Европы эпохи Нового времени. Создание на месте россыпи княжеств единого германского государства – самое знаменитое, но далеко не единственное его достижение. Известностью и популярностью продолжает пользоваться имя Бисмарка и в современной России. Неудивительно, что оно оказалось окружено множеством весьма устойчивых мифов. Автор представленной биографии стремится развеять их и показать, каким был «железный канцлер» на самом деле – не только как политик, дипломат, государственный деятель, но и как человек. В чем заключался секрет его успеха? Какие промахи и ошибки он допускал? Каким видели его друзья и враги? И наконец, каковы были последствия его деятельности для Германии и всего мира? Основанная на широком круге источников, эта книга дает ответ на перечисленные – и многие другие – вопросы.

ISBN 978-5-235-04795-2

© Власов Н. А., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Рождение личности	8
Глава 2. Жизненный тупик	17
Глава 3. Свет в конце тоннеля	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Власов

Бисмарк

© Власов Н. А., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2023

Предисловие

Отто фон Бисмарк... Какие ассоциации вызывает это имя у российского читателя? «Железный канцлер», объединение Германии, решение вопросов «железом и кровью», суровый взгляд из-под густых бровей и прусская каска с торчащим вверх агрессивным острием. А еще – набор цитат из Интернета, по большей части вымышленных: «никогда не воюйте с Россией», «славяне непобедимы», «никогда столько не врут, как во время войны, после охоты и перед выборами»...

В современной России Бисмарк принадлежит к числу самых известных и узнаваемых зарубежных политиков прошлого. И на то, конечно, есть свои объективные причины. «Железный канцлер» считается самой яркой звездой на политическом небосклоне Европы второй половины XIX века. Это само по себе уже говорит о многом – выдающихся государственных деятелей в ту эпоху хватало во всех странах. В России вспомнят канцлера светлейшего князя Александра Горчакова и автора военных реформ, последнего русского генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Милютина, в Британии – четырежды занимавшего пост премьер-министра Уильяма Гладстона и непостижимого Бенджамина Дизраэли, во Франции – пламенного республиканца Леона Гамбетту, в Италии – великого объединителя страны графа Камилло ди Кавура... Однако приоритет Бисмарка не оспаривается практически никем; и современники, и потомки единодушно отдавали ему первое место среди европейских политиков своего времени.

Куда меньше единодушия в оценке характера и итогов его деятельности. В Германии до Второй мировой войны Бисмарк рассматривался как политический гений, мудрый дипломат и творец национального единства. На него призывали равняться, его государственное искусство противопоставляли ошибкам его преемников. Совершенно разные политические силы стремились, соревнуясь друг с другом, поставить образ Бисмарка себе на службу. Однако после 1945 года ситуация изменилась. Все громче стали звучать критические голоса, все чаще можно было услышать о преемственности политики «от Бисмарка к Гитлеру». «Железного канцлера» обвиняли в том, что он разрушал баланс сил в Европе, провоцировал кризисы и конфликты внутри Германии и за ее пределами, укреплял авторитарную традицию и душил ростки демократии – одним словом, бросил в почву семена, которые дали в XX веке столь зловещие всходы. В наши дни доминирует более взвешенный подход: за Бисмарком признают как несомненные заслуги, так и столь же несомненные недостатки. Его больше не считают ни героической личностью, ни виновником всех немецких бед. В целом фигура «железного канцлера» сегодня, через двести лет после его рождения, перестала быть остро актуальной для немцев.

Иначе обстоят дела в России. В нашей стране традиционно сосуществовали два образа Бисмарка. С одной стороны, он воплощение прусского духа и германского милитаризма, чуждое и враждебное. С другой – мудрый государственный деятель, неизменно выступавший за хорошие отношения с Россией. Порой Бисмарк становился чуть ли не символом российско-германского сотрудничества. Конечно же, это способствовало формированию вокруг его фигуры множества весьма живучих мифов. Так, и сегодня многие считают, что «железный канцлер» был едва ли не русофилом. В действительности Бисмарк в целом отрицательно относился к России и полностью разделял все негативные стереотипы о русских, существовавшие в те годы в Западной Европе. Он искренне считал, что славяне неспособны к упорному труду и созидательному творчеству, а могущественную империю смогли создать лишь благодаря помощи германцев.

Но о взглядах Бисмарка – интересных, порой неординарных, а местами совершенно стереотипных для человека той эпохи – мы еще успеем поговорить. Пока же – несколько предва-

рительных замечаний, касающихся биографии «железного канцлера» в целом и этой книги в частности.

Во-первых, рассказать обо всех аспектах жизни и деятельности столь масштабной личности не страницах относительно небольшой книги попросту невозможно. Одна из наиболее известных биографий Бисмарка, написанная американским историком немецкого происхождения Отто Пфланце, насчитывает более полутора тысяч страниц текста – и при этом нельзя сказать, что она является исчерпывающей. Автор этих строк не ставит перед собой безнадежную задачу впихнуть в куда более ограниченный объем как можно больше фактов и цифр, превратив книгу в расширенное подобие энциклопедической статьи. Вместо этого мы сосредоточимся на наиболее важных вопросах. Как и почему небогатый дворянин, не сумевший в молодости построить нормальную карьеру, оказался вознесен на самую вершину политического олимпа? Как этому способствовали его характер и убеждения, а что следует отнести на долю счастливого стечения обстоятельств? Был ли Бисмарк гениальным политиком или он тоже совершал ошибки, допускал промахи, которые в конечном счете дорого обошлись Германии? Какими, в конце концов, были последствия его деятельности как для его родной страны, так и для всего мира в целом?

Во-вторых, важной задачей этой книги является показать Бисмарка не машиной по принятию политических решений, а в первую очередь человеком – со своими страстями, слабостями и капризами. Живым, из плоти и крови, а не гранитным изваянием. Ведь ему были знакомы и сильные эмоции, и безумные увлечения, и депрессии, приходившие на смену периодам душевного подъема, и лень, и то, что мы сегодня назвали бы вредными привычками.

В-третьих, автор этих строк постарался отвести контексту эпохи ровно столько места, сколько необходимо для понимания деятельности главного героя. Контекст, разумеется, необходим; без него человек словно повисает в безвоздушном пространстве, теряя всякую связь с окружающей реальностью. Однако часто встречается и противоположная крайность: биографии выдающихся политиков превращаются, по сути, в книги по политической истории соответствующего периода, на страницах которых главный герой лишь время от времени появляется на поверхности и снова пропадает в бурном океане фактов, дат и имен. Написать политическую историю Германии XIX века – отдельная амбициозная задача, и автор не ставил перед собой такой цели. В центре книги находится именно фигура Бисмарка, конкретный человек и его судьба.

И последнее. Один из современников «железного канцлера» как-то сказал, что из всех исторических сочинений лишь биографии достойны того, чтобы тратить на них время. Потому что из жизни наших предшественников мы можем извлечь важные и полезные уроки. С этой точкой зрения трудно согласиться целиком: важно изучать все аспекты прошлого, хотя бы потому, что в истории человечества все взаимосвязано. Однако не подлежит сомнению, что чтение о жизни и деятельности людей минувших эпох может быть не только увлекательным, но и полезным с практической точки зрения. Ведь они были такими же людьми, как и мы, и многие из стоявших перед ними задач и проблем очень похожи на те, с которыми сталкиваемся и мы. Как гласит народная мудрость, учиться на чужих ошибках гораздо правильнее, чем повторять их снова и снова. Жизнь Отто фон Бисмарка – долгая и насыщенная, изобилующая неожиданными поворотами, взлетами и падениями, – не только интересна, но и весьма поучительна.

Глава 1. Рождение личности

Биографии выдающихся личностей обычно начинают с рассказа о предках. Это становится действительно важным (а не просто интересным) в том случае, если в семье существовала некая традиция, передававшаяся из поколения в поколение, если герой книги чувствовал себя преемником своих дедов и прадедов. В случае с Бисмарком ситуация была еще любопытнее: он стал точкой пересечения двух совершенно разных традиций, воплощениями которых были его родители.

Отец – Карл Вильгельм Фердинанд фон Бисмарк (1771–1845) – был представителем древнего и весьма разветвленного дворянского рода. В хрониках эта фамилия впервые упоминается в XIII веке. Бисмарки принадлежали к числу наиболее влиятельных дворянских семей Старой марки (Альтмарка) – исторической области на берегах Эльбы, которую нередко называют «колыбелью прусского государства». «Железный канцлер» впоследствии с гордостью заявлял о том, что его предки появились в Бранденбурге раньше, чем правящая династия Гогенцоллернов.

История Бисмарков во многом типична для прусского родового дворянства. Своенравные и независимые, они были насильно переселены курфюрстом со своих родовых земель на левом берегу Эльбы на куда менее престижный правый берег – в Шёнхаузен. Шли века, и из смутьянов прусские помещики превратились в опору трона и источник кадров прусской армии. Прадед «железного канцлера» сражался на полях Войны за испанское наследство и Северной войны, дед участвовал в Семилетней войне, дядя погиб в Битве народов под Лейпцигом в 1813 году. Их историю передавали в семейном кругу из уст в уста; Бисмарки гордились предками, не шадившими жизнью на службе прусским королям. Фердинанд сначала двинулся по той же стезе, поступив в двенадцатилетнем возрасте на службу в Лейб-карабинерный полк, в котором начинали свою карьеру многие Бисмарки. Но 11 лет спустя, утратив всякий интерес к ратному делу, он в чине ротмистра вышел в отставку и повел размеренную жизнь сельского помещика. Добродушный, ленивый, лишенный всяческих амбиций, но очень спокойный, доброжелательный и приятный в общении, своего рода немецкий Обломов – таким предстает отец Отто фон Бисмарка в воспоминаниях современников.

Мать «железного канцлера», Луиза Вильгельмина Менкен (1789–1839), была представительницей совершенно другой традиции. Возможно, внимательный читатель уже отметил для себя отсутствие перед ее девичьей фамилией приставки «фон». Действительно, отец Вильгельмины не принадлежал к дворянскому сословию, что не помешало ему добиться определенных высот в прусском государстве. Анастасиус Людвиг Менкен был убежденным сторонником умеренно-либеральных реформ и играл весьма значительную роль во внутренней политике Пруссии второй половины XVIII века. Начав блестящую карьеру еще при Фридрихе II, он являлся советником его преемников на прусском престоле – Фридриха Вильгельма II и Фридриха Вильгельма III. Только сравнительно ранняя смерть в 1801 году помешала ему стать государственным деятелем первой величины и принять участие в преобразованиях, основу которых он во многом заложил. Свои прогрессивные для того времени взгляды он передал и дочери, которая, оставшись без отцовской поддержки, вышла замуж за провинциального юнкера.

Фердинанд фон Бисмарк и Вильгельмина Менкен поженились летом 1806 года. Ему было 34 года, ей – 16. Этот брак можно назвать альянсом двух разных групп прусской элиты. С одной стороны – старое поместное дворянство, укорененное в провинции, для которого в центре интересов всегда оставалось собственное имение. С другой – амбициозная столичная бюрократия, строившая карьеру на королевской службе. Обе эти традиции нашли свое отражение в характере и привычках их знаменитого отпрыска. Но с неменьшим основанием этот брак можно назвать и мезальянсом, и дело здесь не только в разнице в возрасте. Добродушный

сельский увалень с ограниченным кругозором, совершенно лишенный честолюбия, и молодая, энергичная, амбициозная женщина с интеллектуальными увлечениями. Судя по дошедшим до нас свидетельствам, супруги более или менее ладили, но не были особенно близки друг с другом.

Брак Фердинанда и Вильгельмины пришелся на тяжелое время. Через несколько месяцев после их свадьбы Пруссия вступила в войну с Наполеоном, которая обернулась для нее тяжелым поражением. Французская армия стремительно наступала на Берлин, и Шёнхаузен оказался на ее пути. Появление оккупантов в родовом гнезде Бисмарков оставило у супружеской четы весьма травмирующие воспоминания: поместье было разграблено, его хозяева были вынуждены спасаться бегством.

Возможно, это стало одной из причин того, что их первые дети – родившийся в 1807 году Фердинанд и появившаяся на свет год спустя Иоганна – скончались в весьма нежном возрасте. Более удачно сложилась судьба Бернгарда, родившегося в 1810 году. В течение следующих трех десятилетий у супружеской четы появилось с возрастающими интервалами еще трое детей, из которых выжили двое: Отто и Мальвина. То, что только половина отпрысков Фердинанда фон Бисмарка вступила в сознательный возраст, – скорее правило, чем исключение для той эпохи. Зато всем троим была суждена весьма долгая жизнь: каждый из них отпраздновал свое 80-летие.

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк появился на свет 1 апреля 1815 года в родовом имени Шёнхаузен. Первые годы жизни мальчика протекали в обстановке сельской идиллии – здесь, на берегах Эльбы, и в померанском поместье Книпхоф, куда семья переехала через год после его рождения. Три имения, расположенные к востоку от устья Одера – Книпхоф, Кюльц и Ярхлин, – Фердинанд фон Бисмарк унаследовал в 1814 году после смерти бездетного дальнего родственника, заметив по этому поводу, что остывший дядя под соусом из поместий является вполне приятным блюдом¹. Именно с Книпхофом связаны первые детские воспоминания Отто.

Померания была в то время сельской глубинкой прусского государства с относительно невысокой плотностью населения и нетронутыми уголками дикой природы. Речные долины и поросшие деревьями холмы, возделываемые поля и узкие лесные тропы – таковы первые детские воспоминания маленького Отто. Именно здесь берет свое начало особая любовь Бисмарка к природе, и прежде всего лесам, которую он сохранил на протяжении всей своей жизни. Он любил подолгу гулять в морозные зимние дни, кататься на коньках, а весной работать в саду. Любил общаться со старым пастухом, видевшим еще отца Фридриха Великого и рассказывавшим массу историй из былых времен.

Иногда родители вместе с мальчиками приезжали в столицу и задерживались там на длительное время. Отдельные ранние воспоминания Бисмарка были связаны именно с Берлином. Впоследствии он рассказывал, как оказался на званом обеде и искал себе место за столом; находившиеся поблизости господа, глядя на него, заспорили на французском, мальчик перед ними или девочка. «C'est un fils, Monsieur» – ответил маленький Отто, чем поверг всех в немалое изумление². Если память не подводила «железного канцлера», то он с ранних лет прекрасно владел французским языком – впрочем, явление далеко не редкое для того времени. В 1818 году Отто вместе с матерью ездил на курорт Эмс; бывали они и у родственников в Шёнхаузене. Как вспоминала Хедвиг фон Бисмарк – ровесница, кузина и подруга раннего детства будущего «железного канцлера» – Отто всегда был проказником и непоседой³.

Отношения с родителями складывались у мальчика непросто. В первую очередь это касалось матери. Нереализованные амбиции и неравный брак не могли не оказать серьезного вли-

¹ *Bismarck H. v. Erinnerungen aus dem Leben einer 95-jährigen.* Halle a.S., 1910. S. 30.

² «Это сын, мой господин» (*фр.*). См.: *Busch M. Tagebuchblätter.* Bd. 1. Leipzig, 1899. S. 414.

³ *Bismarck H. v. Op. cit.* S. 20.

яния на характер молодой женщины. Одна из ее знакомых впоследствии вспоминала о ней как об умной, но неприятной и жесткой даме⁴. Хедвиг фон Бисмарк писала в своих мемуарах: «В моей памяти она осталась холодной женщиной, обращавшей мало внимания на окружающих. [...] Она часто горевала и становилась безучастной ко всему. Столь распространенное сегодня слово “нервный” я, когда выросла, впервые услышала именно применительно к ней. Все говорили, что этой нервозностью она осложняет жизнь самой себе, а еще больше – своему мужу и детям»⁵.

В неприятной ей сельской глуши и без того непростой характер Вильгельмины стал со временем приобретать болезненные черты. Некоторое время она считала себя наделенной пророческим даром; ее супруг смотрел на это снисходительно и лишь в шутку сожалел о том, что прорицания не касаются будущих цен на шерсть⁶. Но главным проектом Вильгельмины стало воспитание сыновей. Как и многие матери до и после нее, свои нереализованные амбиции она вложила в то, чтобы превратить отпрысков в выдающихся людей своего времени – таких, каким был ее отец. Естественно, желания и наклонности самих мальчиков при этом не учитывались. В 1830 году госпожа фон Бисмарк вполне откровенно говорила: «Высшей целью моей жизни и высшим мыслимым для меня счастьем было вырастить сына, сформировавшегося на моих глазах в согласии со мной и призванного, будучи мужчиной, подняться в духовной сфере намного выше, чем предназначено мне как женщине»⁷.

Ответная реакция не заставила себя ждать. Много лет спустя в письме невесте Отто фон Бисмарк рассказывал: «Моя мать была красивой женщиной, которая любила внешний блеск, она обладала ясным живым умом, но не тем, что берлинцы называют добродушием. Она хотела, чтобы я много учился и многого достиг, и мне часто казалось, что она жестока и холодна ко мне. В детстве я ее ненавидел, позднее успешно обманывал»⁸. Совершенно иным было отношение мальчика к отцу. «Отца я действительно любил, – писал Бисмарк невесте. – Увы, я часто отвечал на его безграничную бескорыстную и добродушную нежность ко мне холодом и недовольством»⁹. Выгодно отличавшийся от жесткой, холодной и требовательной матери, Фердинанд фон Бисмарк не был тем не менее отцом, которым мальчик мог бы восхищаться и брать пример. Слишком ленивый, неотесанный и провинциальный; впоследствии юный Отто даже несколько стеснялся его.

И наследственность, и отношения с родителями наложили весьма глубокий отпечаток на характер будущего «железного канцлера». На всю жизнь он остался наполовину Бисмарком, наполовину Менкеном. С одной стороны, он четко идентифицировал себя с прусским родовым дворянством, неприязненно относился к либеральным интеллектуалам, чиновникам и бюрократии, вкладывал деньги в приобретение имений и играл роль сельского помещика. Он гордился семейными традициями, подвигами предков и однажды полушутя-полусерьезно заявил, что его род ничем не хуже Гогенцоллернов¹⁰. Большую роль в его жизни всегда играли те ценности и образ мысли, которые были характерны для прусского юнкера: верность монарху, представление об особом положении своего сословия в государстве и обществе, любовь к сельскому хозяйству и деревенской жизни. Даже в своем столичном доме он старательно воспроизводил атмосферу помещичьей усадьбы.

С другой стороны, отцовский кафтан был ему явно узок; он с насмешкой относился к провинциальности и ограниченности остэльбского юнкерства, обладал живым острым умом и

⁴ Steinberg J. Bismarck. Magier an der Macht. Berlin, 2012. S. 51.

⁵ Bismarck H. v. Op. cit. S. 29–30.

⁶ Kühn U. Der Grundgedanke der Politik Bismarcks. Dettelbach, 2001. S. 155.

⁷ Marcks E. Bismarcks Jugend 1815–1848. Stuttgart; Berlin, 1909. S. 47.

⁸ Bismarck O. v. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart; Berlin, 1914. S. 43.

⁹ Bismarck O. v. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Stuttgart; Berlin, 1914. S. 44.

¹⁰ Bismarck O. v. Werke in Auswahl (далее WIA). Bd. 4. Darmstadt, 2001. S. 551.

ярко выраженными амбициями, желанием быть первым, стремлением к активной деятельности и блестящему успеху. В отличие от своего старшего брата Бернгарда, Отто по характеру был мало похож на отца. Политика, отнимая у него массу сил и здоровья, доставляя множество проблем и огорчений, оставалась страстью, без которой он не представлял своей жизни. В результате он на протяжении долгих лет разрывался между двумя мирами – высокой политики и сельской идиллии, – не будучи в состоянии отказаться ни от одного, ни от другого, не находя полной гармонии ни там, ни тут.

Ту же двойственность мы можем наблюдать и в его отношениях с женщинами. Бисмарк впоследствии стремился связать свою жизнь с девушкой, которая стала бы полной противоположностью его матери – заботливой, любящей, живущей интересами своего мужа, – и одновременно подсознательно искал общества ярких, светских, амбициозных женщин, напоминавших Вильгельмину. Эти противоположные образы нашли свое воплощение в фигурах двух главных женщин в жизни «железного канцлера»: его жены Иоганны и его младшей сестры Мальвины, появившейся на свет в 1827 году.

Однако мы забежали вперед. Идиллическое детство в деревенской тиши закончилось в 1822 году, когда мать отправила его в интернат Иоганна Эрнста Пламана в Берлине. Поместья ранские имения были сданы в аренду, семья переехала в столицу, чему Вильгельмина была очень рада.

Интернат сыграл важную роль в формировании характера юного Бисмарка. Основанное в 1805 году, это учебное заведение изначально строилось на идеях Просвещения и ставило своей задачей воспитывать пламенных немецких патриотов. Однако на волне наступившей в Пруссии реакции оно к 1820-м годам превратилось в своего рода гражданский аналог кадетского корпуса. Основной контингент учеников составляли выходцы из среднего класса – отпрыски чиновников и лиц свободных профессий (дворяне чаще нанимали своим детям домашних учителей). Главный принцип обучения заключался в том, чтобы закалить тело и дух мальчиков. Они жили в спартанских условиях, питались впроголодь, подвергались суровым наказаниям за любое нарушение дисциплины. Жесткий график регулировал все время их бодрствования – с 5.30 утра до 9.00 вечера. Особое место в нем занимали разнообразные физические упражнения. Кроме того, на прилегавшем к зданию интерната земельном участке у каждого мальчика имелся свой небольшой огород, который он обязан был обрабатывать.

Неудивительно, что никакого энтузиазма порядки в интернате у Отто не вызвали. Много лет спустя он, по рассказам одного из соратников, вспоминал: «Мое детство было испорчено в заведении Пламана, которое казалось мне тюрьмой. [...] Видя из окна упряжку быков, проводящих борозду, я всегда плакал от тоски по Книпхофу. Во всем заведении царила безжалостная строгость»¹¹. Вероятно, именно этот травмирующий опыт стал одной из главных причин весьма нездорового образа жизни, который Бисмарк вел во взрослом возрасте (неумеренное обжорство и режим дня, включавший в себя очень поздний отход ко сну и не менее поздний подъем утром), а также его непреодолимого отвращения к монотонной, упорной, рутинной работе.

Сам «железный канцлер» впоследствии утверждал, что именно учеба в интернате приучила его в дальнейшем давать жесткий отпор любым невзгодам. «В шесть лет он попал в учебное заведение, где учителя были демагогами из физкультурного движения, ненавидевшими дворянство и воспитывавшими при помощи ударов и пинков вместо слов и внушений. Утром детей будили ударами рапир, которые оставляли после себя синяки, поскольку учителям было скучно делать это иным способом. Физические упражнения должны были быть отдыхом, но учителя вновь наносили удары железными рапирами! Его прекраснородной матери быстро стало неудобным воспитание детей, и она быстро отказалась от него, по меньшей мере эмо-

¹¹ Keudell R. v. Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. Berlin; Stuttgart, 1901. S. 160–161.

ционально. Он говорил об этом с большой горечью» – описывал беседу с Бисмарком другой его сподвижник¹². Впрочем, один из первых биографов «железного канцлера», Эрих Маркс, изучил отзывы об интернате других его учеников и обнаружил, что они в массе своей рисуют куда менее драматичную картину¹³. Поэтому в данном случае мы можем говорить не столько об объективной реальности, сколько о ее восприятии Бисмарком, которое к тому же по прошествии определенного времени стало еще более однотонным.

Согласно характеристикам, которые давали мальчику учителя, он отличался веселым нравом и был всеобщим любимцем. Разнообразие в его жизнь вносили визиты по воскресеньям в имение дяди Фридриха фон Бисмарка в Темплине неподалеку от Потсдама; навещал мальчик и своих родителей, когда те бывали в столице.

Мучения в интернате закончились в 1827 году. Юный Отто продолжил свое обучение в гимназии Фридриха Вильгельма в Берлине, считавшейся одной из ведущих элитных школ Пруссии. Сразу же после поступления туда он поселился вместе со старшим братом в специально снятой для них квартире на Беренштрассе; за мальчиками следили домашний учитель и служанка, зимой сюда же приезжали родители. После поступления Бернгарда в университет в 1829 году Отто жил на полном довольствии у одного из учителей. Мать была не слишком довольна его успехами, и в 1830 году мальчик перешел в старейшую берлинскую гимназию «У Серого монастыря», где два года спустя получил аттестат зрелости. Обе упомянутые гимназии были достаточно типичными для своего времени гуманитарными школами, где давалось классическое образование с упором на древние языки (английский и французский Отто осваивал дома). Каникулы Бисмарк проводил, как правило, в Книпхофе, где пристрастился к охоте и много ездил верхом.

В нашем распоряжении имеется не так уж много сведений о жизни Бисмарка-гимназиста. Единственное, что мы можем сказать наверняка, – молодой Отто почувствовал себя гораздо свободнее и начал проявлять независимый характер; гимназическое руководство даже упрекало его в недостаточном уважении к педагогам. Его способности уже тогда оценивались как достаточно высокие, а вот с прилежанием и дисциплиной все было далеко не так гладко. Необходимость что-то зубрить, как и ранние утренние подъемы, вызывала у него отвращение.

Одноклассник и один из немногочисленных близких друзей Бисмарка, Мориц фон Бланкенбург¹⁴, вспоминал впоследствии: «Он уже тогда казался мне загадочным человеком: никогда я не замечал, чтобы он работал, зато часто видел его гуляющим – и тем не менее он знал все и успевал сделать все задания»¹⁵. Тем не менее в рейтинге успеваемости в старших классах он оказался 15-м из 18 человек. Судя по имеющимся свидетельствам, Отто довольно прохладно относился к предметам, в которых не видел практического смысла; так, его успехи в древнегреческом языке оказались более чем скромными. Зато следы знакомства с латынью мы можем видеть на протяжении всей его последующей жизни – в своих письмах и парламентских выступлениях Бисмарк часто и охотно цитировал древних римлян. Современные языки и история давались ему лучше всего; по математике он тоже получал неплохие оценки.

В шестнадцать лет Бисмарку предстояло пройти обряд конфирмации – своего рода религиозного совершеннолетия. Ни сам юноша, ни его родители не отличались религиозным рвением, хотя вполне искренне считали себя добрыми христианами. Для подготовки к обряду Отто стал посещать занятия знаменитого протестантского теолога и педагога Фридриха Шлей-

¹² *Lucius von Ballhausen R.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart; Berlin, 1920. S. 137–138.

¹³ *Marcks E.* Op. cit. S. 55.

¹⁴ *Мориц фон Бланкенбург* (Blankenbourg; 1815–1888), друг детства и соученик О. фон Бисмарка по гимназии «У Серого монастыря». С 1862 года председатель Прусского народного объединения, в 1871 году депутат Рейхстага. Являлся одним из лидеров прусских консерваторов, однако в первой половине 1870-х годов отошел от активной политической деятельности из-за разногласий с Бисмарком.

¹⁵ *Keudell R. v.* Op. cit. S. 17.

ермахера¹⁶. Общение с одним из самых блестящих интеллектуалов тогдашнего Берлина не имело для молодого Бисмарка видимых последствий. По крайней мере, пройдя обряд конфирмации, он тут же прекратил ежевечерние молитвы и в дальнейшем демонстрировал полное равнодушие к вопросам религии.

Именно окончание гимназии «железный канцлер» избрал в старости в качестве отправной точки повествования в своих мемуарах. «Типичным продуктом нашего государственного образования покинул я в 1832 году школу. Я был пантеистом и пусть не республиканцем, но имел убеждение, что республика есть разумнейшая форма государственного устройства. [...] Немецко-национальные взгляды [...] остались на стадии теоретических рассуждений и были недостаточно сильны для того, чтобы искоренить мои врожденные прусско-монархические чувства. Мои симпатии оставались на стороне власти. Гармодий и Аристокитон, а также Брут оставались для моего детского правосознания преступниками, Телль – мятежником и убийцей»¹⁷. Без цитирования этих слов (а также еще целого ряда отрывков из мемуаров Бисмарка) не обходится, пожалуй, ни одна биография «железного канцлера». Однако необходимо сразу предостеречь читателя от того, чтобы некритически воспринимать эти воспоминания; задача Бисмарка – о чем мы еще будем говорить – заключалась не в том, чтобы исповедаться перед потомками, а в формировании красивой легенды о самом себе. Легенды, воплощенной в столь изящную литературную форму, что даже профессиональные историки попадают порой под ее обаяние.

Впрочем, в данном случае у нас нет оснований всерьез подвергать сомнению слова Бисмарка. Скорее всего, у молодого выпускника гимназии действительно пока не было четко сформировавшихся политических взглядов. С одной стороны, на него влияли популярные среди образованной молодежи национальные идеи, с другой – желание идентифицироваться с прусским дворянством, для которого верность королю являлась одним из столпов мировоззрения. Свое будущее Бисмарк тоже, видимо, представлял себе достаточно смутно. В любом случае поначалу он продолжал следовать путем, намеченным его матерью, и продолжил образование в университете. Выбор направления был предопределен: непрременной предпосылкой для поступления на государственную службу являлось изучение юриспруденции.

Поступать в старейший в Германии Гейдельбергский университет юному выпускнику гимназии, по некоторым данным, запретила мать, опасавшаяся, что в этом очаге вольнодумства он пристрастится к спиртному. Поэтому три семестра Бисмарк отучился в Гёттингене, а закончил свое обучение в Берлине, где в 1835 году сдал выпускные экзамены. Смена университета в процессе обучения была вполне нормальной для того времени практикой, однако в случае с Отто она объяснялась далеко не стремлением контактировать с лучшими умами своего времени. Более того: если Вильгельмина действительно опасалась, что студенческая жизнь подтолкнет ее младшего сына ко всем возможным прегрешениям, то ее опасения оправдались на сто процентов.

Как и многие молодые люди, поступившие в университет и наконец-то вырвавшиеся из-под контроля родителей, Отто пустился во все тяжкие. Именно тогда он заработал репутацию «бешеного Бисмарка», сопровождавшую его затем на протяжении многих лет. Попойки, дуэли, любовные приключения, самые разнообразные дикие выходки – юноша явно стремился компенсировать годы спартанской жизни. А заодно и самоутвердиться, заработать авторитет в студенческой среде, что было для него не менее важно. По мнению Отто Пфланце, это стремление к самоутверждению тоже объясняется травмирующим детским опытом Бисмарка. Лишенный

¹⁶ Фридрих Шлейермахер (Schleiermacher; 1768–1834), теолог, философ, педагог и проповедник. Основатель и с 1810 года декан и до конца жизни профессор теологического факультета Берлинского университета. Считается основателем современной герменевтики. Его богословские трактаты получили широкую известность и заложили основы развития религиозной мысли в Германии XIX века.

¹⁷ WIA. Bd. 8. Teil A. S. 1.

эмоциональной поддержки со стороны родителей, постоянно ощущавший угрозу, он испытывал потребность контролировать все происходящее вокруг, организовывать окружающее пространство по своей мерке¹⁸. С течением времени эта потребность сохранялась, менялись лишь масштабы пространства – от студенческой компании до «концерта» великих держав Европы.

Одновременно речь для Бисмарка шла и о том, чтобы приобрести популярность в студенческой среде – причем явно не за счет успехов в учебе. Очень высокий для своего времени (около 190 сантиметров), элегантный молодой человек с безупречной осанкой, он появлялся на улицах университетского городка с огромным светлой масти догом и вскоре стал повсеместно узнаваемой фигурой. В течение первых трех семестров Отто принял участие в 25 дуэлях, причем лишь в одной получил легкую царапину, что принесло ему прозвище «Ахиллес неуязвимый». Говорили, что однажды он вызвал на дуэль целое студенческое объединение. Несколько раз Бисмарк оказывался в карцере за дисциплинарные нарушения. Вскоре он уже пользовался репутацией одного из лучших фехтовальщиков Гёттингенского университета, а также прекрасного пловца и танцора. Довольно быстро ему удалось стать в своей среде харизматичной личностью.

Если верить воспоминаниям Бисмарка, то сразу же после поступления в университет он попытался примкнуть к одному из так называемых «братств» (*Burschenschaft*) – студенческих обществ, отличавшихся либеральными и немецко-национальными взглядами. Однако он быстро разочаровался, сочтя своих новых «братьев» недостаточно благовоспитанными и слишком радикальными в политическом отношении. Поэтому юноша обратил свой взор в сторону так называемых «землячеств» – корпораций, объединявших, как правило, студентов из привилегированных слоев. Его выбор пал на Корпус Ганновера (*Corps Hannovera Göttingen*) – старейшее землячество Гёттингенского университета, изначально включавшее в себя отпрысков местных аристократических родов, но в 1830-е годы активно пополнявшееся сыновьями обеспеченных буржуа. Здесь господствовала более консервативная атмосфера; впрочем, о политических симпатиях Бисмарка-студента нам известно очень мало.

Отто особенно охотно общался со студентами из Британии и Соединенных Штатов; мода на все английское в Германии того времени была очень распространена, и в юности Бисмарк часто предпочитал компанию англичан обществу своих соотечественников, а английскую литературу – немецкой. Именно в Гёттингене он познакомился с американцем Джоном Мотли¹⁹, который до самой своей смерти оставался одним из ближайших друзей «железного канцлера», а у себя на родине сделал блестящую дипломатическую карьеру, занимая последовательно должности посла Соединенных Штатов в Вене и Лондоне. Именно Мотли мы обязаны одним из самых интересных описаний молодого Бисмарка, которого американец вывел в своем романе «Надежда Мортон» (1839) под именем Отто фон Рабенмарка: «В кабаке и на улице он ведет себя, как одержимый; однако в своей комнате, среди трубок и картин, он сбрасывает маску шута и говорит с Мортонном разумно»²⁰. Мотли рисовал своего героя весьма талантливым молодым человеком, с агрессивным бойцовским темпераментом и явными качествами лидера; все это, без сомнения, можно отнести и к Бисмарку.

Действительно, не следует считать, что дни юного Бисмарка были заполнены исключительно эпатажными выходками и общением со сверстниками. Образ забияки и кутилы, который он так заботливо создавал, оставался лишь одной стороной медали. Разумеется, Отто совершенно не соответствовал классическому образу прилежного отличника, сидящего на всех лекциях и штудирующего толстые фолианты. Посещением занятий он по большей части пре-

¹⁸ *Pflanze O. Bismarck*. Bd. 1. München, 2008. S. 56.

¹⁹ *Джон Мотли* (Motley; 1814–1877), американский писатель и дипломат. В 1832–1833 годах учился в Гёттингене. С 1841 года – на дипломатической службе, посланник в Австро-Венгрии (1861–1867) и Великобритании (1869–1870). Автор ряда фундаментальных работ по истории Нидерландов.

²⁰ Цит. по: *Kolb E. Bismarck*. München, 2009. S. 10.

небрегал – исключения составляли разве что лекции историка Арнольда Хеерена²¹, посвященные развитию европейской системы государств. Бисмарк присутствовал на них регулярно в течение двух семестров, что было для него совершенно нетипичным. Возможно, именно тогда начал формироваться его интерес к политике и дипломатии. Вполне вероятно также, что Хеерен, убежденный в том, что именно государственный интерес является основой для формирования внешнеполитического курса страны, сыграл значительную роль в формировании взглядов Бисмарка на дипломатию, которые часто называют *Realpolitik* (об этом понятии мы будем говорить отдельно). Отто много читал (к примеру, Джона Гордона Байрона и Уильяма Шекспира) и прилежно совершенствовался в английском и французском языках (которыми владел практически свободно).

И все же довольно быстро родители забили тревогу. Вполне однозначным индикатором неблагополучной ситуации для них стали долги, которые Отто стремительно накапливал. «Имели место весьма неприятные сцены с моим стариком, который не хочет оплачивать мои долги», – писал юноша своему другу²². В конечном счете Вильгельмина заставила сына перевестись в Берлин, в университет Фридриха Вильгельма, где, как она полагала, его будет легче контролировать. Финансовый вопрос оставался едва ли не последним рычагом в ее руках, позволявшим влиять на поведение вольнолюбивого отпрыска. Мать угрожала, что, если Отто не перестанет валять дурака, она больше не будет оплачивать его счета. Склонность сына сорить деньгами очень раздражала ее. Сам юноша расставался с Гёттингеном с некоторым сожалением. Уже на склоне лет, проезжая через этот город и обращаясь к приветствующей его на вокзале толпе, он подчеркнул, что «из всех мест, где он получал свое образование, Гёттинген нравился ему больше всего» – в то же время признав, что «работал здесь, конечно, не слишком усердно»²³.

Учеба в Берлинском университете не слишком изменила привычек молодого Бисмарка. Его склонность к эпатажным выходкам несколько ослабла – видимо, он уже пресытился ими в Гёттингене. Однако занятия он посещал столь же нерегулярно. Зато Отто стал частым гостем в опере и аристократических салонах. В послании своему гёттингенскому другу Густаву Шарлаху²⁴ он так описывал свой распорядок дня: «Я живу здесь как джентльмен, привыкаю быть церемонным, много говорю по-французски, провожу большую часть своего времени, облачаясь, нанося визиты или в компании со своей старой подругой бутылкой; вечерами я сижу в опере на первом ряду и веду себя так развязно, как это только возможно»²⁵.

В прусской столице Бисмарк познакомился и сдружился с графом Александром фон Кейзерлингом²⁶, представителем немецкой элиты балтийских провинций Российской империи («остзейских немцев»), которого впоследствии называл своим «старейшим и ближайшим другом»²⁷. Два молодых человека очень различались по характеру: Бисмарк относился к учебе прохладно и предпочитал развлечения, Кейзерлинг же был ответственным и увлеченным студентом. Тем не менее они быстро нашли общий язык и нередко веселились вместе, в том

²¹ Арнольд Хеерен (Heeren; 1760–1842), историк, исследователь международных отношений. С 1787 года профессор философии, с 1801 года – истории Гёттингенского университета; с 1837 года тайный советник юстиции. Автор ряда фундаментальных трудов по истории развития европейской системы государств.

²² *Bismarck O.v. Die gesammelten Werke* (далее GW). Bd. 14/I. Berlin, 1933. S. 2.

²³ GW. Bd. 13. S. 507.

²⁴ Густав Шарлах (Scharlach; 1811–1881), соученик Бисмарка по Гёттингену и член Корпуса Ганновера. С 1865 года глава округа Мюнден.

²⁵ GW. Bd. 14/I. S. 3.

²⁶ Граф Александр фон Кейзерлинг (Keyserling; 1815–1891), в 1833–1835 годах учился в Берлинском университете, в дальнейшем вернулся в Россию и занимался естественно-научными исследованиями. Участник ряда важных географических экспедиций, считается одним из основателей российской минералогии. В 1840-е годы оставил блестяще начатую карьеру и удалился в свои поместья. В 1862–1866 годах попечитель Дерптского учебного округа, гофмейстер (1866).

²⁷ GW. Bd. 8. S. 43.

числе устраивая различные проделки²⁸. Вместе с Мотли, который тоже перебрался в Берлин, они составили практически неразлучную троицу. На этот же период приходится знакомство Бисмарка (уже вне университета) с молодым лейтенантом Альбрехтом фон Рооном²⁹, с которым они впоследствии станут не просто друзьями, а политическими союзниками.

В целом молодой Бисмарк, если он сам этого желал, легко заводил знакомства и сходиллся с людьми. Как уже говорилось выше, его общительный характер отмечали еще в интернате. Молодой человек не был по своему характеру ни интровертом, ни социофобом, ни ипохондриком. Хорошо известно, что умение устанавливать социальные связи является важной предпосылкой успеха. Бисмарк обладал этим талантом, что впоследствии сильно облегчило ему путь наверх, а возможно, и в принципе открыло перед ним этот путь. Дружба и с Бланкенбургом, и с Рооном будет иметь для него судьбоносное значение.

Любопытно, что при этом современники отмечали в молодом Бисмарке склонность к пессимистическим настроениям, доходившим порой до нигилизма. «Он далеко превосходил своих сверстников силой интеллекта и блестящим чувством юмора, – пишет его биограф Вернер Рихтер, – но был способен на поразительно холодный цинизм, готов защищаться от всех иллюзий, которые являются драгоценной прерогативой молодости. Он был достаточно здоров для того, чтобы позволить себе как угодно обращаться с самим собой и своим организмом. Но порой это выглядело так, словно он прожигает жизнь, устав от нее. Наверняка в этом есть некое кокетство с мыслями о преходящем, которое сделал модным лорд Байрон. Но наряду с этим имелись искренние сомнения в смысле собственного существования»³⁰. Такие настроения присутствовали в те годы у многих молодых людей и являлись во многом данью моде на романтизм. Однако у Бисмарка они были достаточно искренними и в дальнейшем только усиливались – вплоть до конца 1840-х годов, когда он с головой окунулся в политику.

Несмотря на внешнюю беззаботность студенческой жизни, Бисмарк вовсе не горел желанием продлить ее срок. Очевидно, сыграло свою роль то обстоятельство, что родители Отто, разочаровавшись в его способности быть прилежным студентом, бросились в другую крайность и предложили ему сделать карьеру в армии, к чему молодой человек не испытывал ни малейшей склонности. Спустя три года после поступления в университет – то есть как только это стало возможным – он сдал выпускные экзамены. Для подготовки ему пришлось прибегнуть к помощи репетитора. Вскоре после своего 20-летия, 22 мая 1835 года, Отто выдержал так называемый «экзамен на должность аускультатора», завершающий теоретическую часть подготовки юриста. Его знания в области гражданского права были оценены «хорошо», в области теории права – «удовлетворительно». Образование в двух лучших германских университетах не оставило в его биографии значительного следа. В них он приобрел скорее не уважение к науке, а предубеждение против академического теоретизирования.

В двадцать лет молодой Бисмарк стоял на пороге взрослой жизни. Детство и студенческая юность оказали огромное влияние на формирование его характера и привычек. Тем не менее назвать его полностью сложившейся личностью было еще нельзя. Дальнейший путь лежал в тумане; будущему «железному канцлеру» пришлось пройти через множество испытаний и поворотов судьбы, прежде чем он смог найти свою дорогу. Главным из этих испытаний стала, как это часто бывает, борьба с самим собой.

²⁸ Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Bd. 1. Berlin, 1902. S. 34.

²⁹ Граф (с 1871) Альбрехт фон Роон (Roön; 1803–1879), генерал-фельдмаршал (с 1873). Один из ближайших сподвижников короля Вильгельма I. В 1859–1873 годах военный министр Пруссии, на этом посту провел важнейшую военную реформу начала 1860-х годов. Сыграл огромную роль в приходе Бисмарка к власти, на протяжении всей жизни оставался не только его личным другом, но и политическим союзником.

³⁰ Richter W. Bismarck. Frankfurt-am-Main, 1971. S. 26.

Глава 2. Жизненный тупик

«Несколько лет я буду развлекаться тем, что стану дрессировать рекрутов фухтелями, потом добуду себе жену, заведу детей, стану обрабатывать землю и развращать крестьян неумеренным производством водки, – писал Бисмарк другу в апреле 1834 года. – Если лет через десять тебя занесет в здешние края, [...] то ты найдешь здесь разжиревшего усатого офицера запаса, который божится и бранится так, что земля дрожит, питает праведное отвращение к евреям и французам и жестоко бьет своих собак и слуг, когда его тиранит жена. Я буду носить кожаные штаны, из-за которых надо мной будут смеяться на штеттинской ярмарке, а если меня назовут господином бароном, то добродушно поглаживать усы и делать скидку в два талера; на день рождения короля я буду напиваться и кричать “виват” [...] Короче говоря, я буду счастлив в деревне в кругу семьи»³¹.

Это, конечно, была шутка; юный студент писал о том, что случится с ним, если он не сможет построить карьеру на государственной службе. Однако, как известно, в каждой шутке есть доля правды. Пройдет буквально несколько лет, и Бисмарк действительно попробует вести жизнь обычного помещика в сельской тиши. Но каковы были его планы перед окончанием университета? Он подробно изложил их в следующем письме тому же адресату: «Я упорно работаю при помощи Святой Девы над тем, чтобы променять весьма привлекательную роль кандидата в юристы на должность королевского чиновника, то есть референдария в берлинском городском суде. [...] Мой план заключается в том, чтобы оставаться на ней еще год; затем отправиться в администрацию в Ахене, на второй год сдать дипломатический экзамен, а затем вверить себя в руки судьбы, и безразлично, отправят ли меня в Петербург или в Рио-де-Жанейро»³².

Это была хорошо продуманная стратегия. Прусское внешнеполитическое ведомство оставалось очень небольшим по меркам великой державы, вакансии открывались редко, попасть туда было очень непросто. Обратившись к министру иностранных дел Фридриху Ансильону³³, Бисмарк получил именно такой совет: сначала приобрести опыт в административных органах, причем в западных прусских провинциях, где продвижение по службе шло быстрее, а потом уже пытаться строить дипломатическую карьеру. Надо сказать, что Ансильон – потомок французских гугенотов, в конце XVII века переселившихся в Пруссию по религиозным мотивам, – скептически относился к способностям выходцев из классических юнкерских семейств и поэтому воспринял инициативу молодого просителя без особого энтузиазма.

Итак, сдав весной 1835 года необходимые экзамены, Бисмарк начал работать в качестве аускультатора (или, говоря современным языком, стажера) в судебных учреждениях Берлина. В его воспоминаниях эта служба описывается в исключительно саркастическом ключе. Молодому человеку казалось, что он вынужден заниматься какой-то чепухой под руководством идиотов: «Лица и учреждения нашей юстиции, в которой началась моя деятельность, давали моему юношескому уму больше поводов для критики, чем для одобрения»³⁴. Впрочем, ничего удивительного: такая реакция типична для многих амбициозных и талантливых молодых людей, вдруг оказавшихся на низшей ступени карьерной лестницы и вынужденных выполнять скучную, примитивную, порой бессмысленную работу под руководством гораздо менее одаренных начальников. В случае с Бисмарком к этому добавлялась его глубокая нелюбовь к бюрократической рутине.

³¹ GW. Bd. 14/I. S. 4.

³² GW. Bd. 14/I. S. 5.

³³ Фридрих Ансильон (Ancillon; 1767–1837), член Прусской академии наук (с 1803), действительный тайный советник (с 1831). С 1831 года статс-секретарь, с 1832 по 1837 год министр иностранных дел Пруссии.

³⁴ WIA. Bd. 8. Teil A. S. 5.

Даже столичные развлечения не являлись достаточной компенсацией. Отто продолжал участвовать в светской жизни Берлина, «был постоянно влюблен, но часто менял предмет своего обожания»³⁵ и делал все новые долги. Впрочем, находиться поближе ко двору Бисмарк считал полезным и для своей будущей карьеры. Одновременно он готовился к сдаче экзаменов, необходимых для поступления на службу в административный аппарат прусского государства.

Для достижения цели Бисмарку требовалось представить две письменные работы, одна из которых должна была быть посвящена философским сюжетам, а вторая – непосредственно связана с вопросами государственного управления. Кроме того, следовало выдержать устный экзамен, на котором кандидат должен был продемонстрировать не только свое знакомство с основами экономики и права, но и общий кругозор. Для написания обеих работ Бисмарк взял отпуск и отправился весной 1836 года в родной Шёнхаузен. Своему другу Шарлаху он писал: «Ты бы очень смеялся надо мной, если бы видел меня сейчас. Уже четыре недели я сижу в заколдованном замке с остроконечной аркой и стенами толщиной четыре фута, с тридцатью комнатами, из которых только две меблированные, пышными дамасскими покрывалами, цвет которых еще можно опознать по нескольким пятнам, массой крыс и каминами, в которых завывает ветер [...] При этом я никогда не был так доволен, как теперь; я сплю по шесть часов в день и нахожу большое удовольствие в учебе – две вещи, которые я долгое время считал невозможными»³⁶.

Письменные работы были закончены в весьма короткие сроки; первая называлась «О природе и применении присяги», вторая – «Об экономности в государственных финансах». Экзаменаторы признали их удачными, а их автора, по итогам устного экзамена, весьма одаренным молодым человеком. При ближайшем рассмотрении, однако, обе работы выглядят не более чем старательно выполненными рефератами, лишенными особой оригинальности и творческой мысли. Впрочем, для начинающего чиновника ни то ни другое не было обязательным.

В июле 1836 года Бисмарк приступил к службе в правительственном президиуме города Ахен, то есть администрации одного из округов, на которые делились прусские провинции. Рейнская область стала частью Прусского королевства совсем недавно, по итогам Венского конгресса 1815 года. Самих жителей региона, разумеется, никто при этом не спрашивал. Поскольку прирейнские земли долгое время находились под сильным влиянием революционной, а затем наполеоновской Франции, в обществе были распространены либеральные идеи и привычка к вольностям. Это уже само по себе создавало почву для конфликта с Прусским государством. Добавлял напряженности и религиозный фактор: рейнландцы являлись в массе своей католиками, в то время как господствующей конфессией в Пруссии был протестантизм.

В Берлине, надо сказать, тоже оказались не в восторге от новых приобретений; здесь предпочли бы присоединить территорию близкой во всех отношениях Саксонии. Но ничего не поделаешь: Рейнскую провинцию требовалось интегрировать в прусское государство, причем делать это следовало с опорой на проверенные административные кадры. Именно поэтому для чиновников, приезжавших на Рейн из «старой» Пруссии, действовали льготы – так, срок пребывания в должности референдария сокращался с трех лет до двух. Этим и решил воспользоваться Бисмарк.

Нужно сказать, что на новом месте молодому чиновнику очень повезло с начальством. Правительственный президиум в Ахене возглавлял граф Адольф Генрих фон Арним-Бойценбург³⁷, человек сравнительно молодой, неглупый и доброжелательный по отношению к подчи-

³⁵ GW. Bd. 14/I. S. 6.

³⁶ WIA. Bd. 1. S. 13.

³⁷ *Граф Адольф Генрих фон Арним-Бойценбург* (Arnim-Boitzenburg; 1803–1868), с 1834 года правительственный президент в Ахене, с 1838-го – в Мерзебурге. В 1840–1842 годах обер-президент провинции Позен. В 1842–1845 годах министр внутренних дел, в марте 1848 года министр-президент и министр иностранных дел Пруссии.

ненным. Он благосклонно относился к планам Бисмарка сделать дипломатическую карьеру и по мере сил помогал их осуществлению. К тому же ходили слухи, что графа могут назначить следующим министром иностранных дел. Перспективы, таким образом, открывались неплохие. Осенью 1836 года Бисмарк стажировался в различных отделах правительственного президиума (получилось нечто вроде ознакомительного тура); вероятно, полученный в те годы опыт оказался полезным в дальнейшей его деятельности на посту главы правительства. Начальники соответствующих подразделений давали ему в целом положительные характеристики, особо выделяя его способности и энергию, однако отмечая, что дисциплина и усердие местами оставляют желать лучшего³⁸. Одновременно молодой чиновник задействовал все свои связи в Берлине для того, чтобы получить разрешение на сдачу дипломатического экзамена – это была едва ли не самая сложная часть задачи.

И именно в этот самый момент юноша начал сам старательно и упорно разрушать собственное будущее. На то имелись две основные причины.

Во-первых, каким бы хорошим начальником ни был граф фон Арним, какой бы разнообразной ни была поручавшаяся молодому чиновнику работа, она все равно включала в себя значительную долю ненавистной Бисмарку бюрократической рутины. Хронические проблемы с самодисциплиной усугублялись раздражением от бессмысленности и неэффективности многих бумажных процедур. «Далеко не все персоны отвечали тому необоснованному идеалу, который представлялся мне в 21 год, – писал впоследствии Бисмарк в своих воспоминаниях. – Вопросы, решение коих в ту или иную сторону не стоило затраченной бумаги, могли быть улажены одним префектом ценой вчетверо меньших усилий. Тем не менее, если не считать младших чиновников, объем работы оказывался небольшим, а должности глав отделов являлись чистой синекурой. Я покинул Ахен [...] с весьма невысоким мнением о нашей бюрократии как в целом, так и в частностях»³⁹. Безусловно, на склоне лет «железный канцлер» стремился выставить свое юношеское поведение в наиболее выгодном свете. Однако сомневаться в том, что он действительно испытывал скуку и разочарование, нет никаких оснований. Высоты дипломатической карьеры отодвигались в туманные дали, дорога к ним оказывалась тяжелой и безрадостной.

Во-вторых, большое влияние на молодого Бисмарка оказала та среда, в которой он оказался. Ахен был одним из главных курортов континентальной Европы; здесь бурлила светская жизнь, приезжали отдыхающие из разных стран. Неудивительно, что скучающий молодой дворянин с головой окунулся в развлечения, по-прежнему вращаясь в первую очередь среди англичан и заводя новые знакомства и, конечно же, романы. «Моя нынешняя застольная компания состоит из семнадцати англичан, двух французов и моей скромной персоны», – писал он брату в августе 1836 года⁴⁰. Вскоре после переезда в Ахен Отто безоглядно влюбился в юную англичанку мисс Лору Рассел, родственницу Уильяма Вейна 1-го герцога Кливленда. По свидетельству самого Бисмарка, его ухаживания были встречены благосклонно, что стало серьезной нагрузкой для его бюджета. «Общение с богатыми людьми заставляет тратить больше, чем следовало бы», – писал он старшему брату⁴¹. Попытка поправить финансы за игорным столом привела, естественно, к еще большим долгам. Кроме того, Бисмарк был вскоре уже совершенно не уверен в своем желании вступить в брак с прекрасной англичанкой. Возможность с честью выйти из сложившейся ситуации дало болезненное падение с лошади, которое приковало юношу к постели и оставило его в компании с произведениями Цицерона и Спинозы.

³⁸ *Marcks E.* Op. cit. S. 143.

³⁹ WIA. Bd. 8. Teil A. S. 8.

⁴⁰ GW. Bd. 14/I. S. 8.

⁴¹ Цит. по: *Engelberg E.* Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1985. S. 136.

Когда Бисмарк снова смог выходить на улицу, его английские знакомые уже уехали. Молодой референдарий вернулся к работе, однако начальство начало сомневаться в том, что из него получится хороший чиновник. А в декабре 1836 года Бисмарк получил новую информацию о прекрасной Лоре, которая, как ему сообщили, была на самом деле лишь косвенно связана с семейством Кливлендов. Перспектива вступить в неравный брак существенно охладила пыл юного дворянина. Вскоре он нашел утешение в объятиях 36-летней замужней дамы, однако и этот роман оказался скоротечен. Накопив достаточно серьезные долги (отец практически безропотно присылал ему деньги, но их не хватало), Бисмарк весной 1837 года задумывался о «браке по расчету», в котором главным достоинством невесты оказалось бы богатое приданое. Таких невест, как он полагал, полным-полно в соседней Бельгии.

Развязка наступила летом следующего, 1837 года. Молодой Бисмарк познакомился в Ахене с еще одной прекрасной англичанкой, приятельницей Лоры – семнадцатилетней Изабеллой Лорейн-Смит, дочерью английского священнослужителя из дворянского сословия. Девушка «со светлыми волосами и редкой красотой»⁴² покорила сердце молодого человека, который буквально не отходил от нее ни на шаг. Когда семейство Лорейн-Смит собралось уезжать из Ахена, Бисмарк испросил восьмидневный отпуск, чтобы следовать за предметом своей страсти в путешествии по континентальной Европе. «Она заставляет кипеть мою горячую кровь», – писал он в эти дни друзьям⁴³.

Когда восемь дней истекли, Бисмарк не только не вернулся к месту службы, но даже не потрудился поставить начальство в известность о том, что он самовольно продлевает свой отпуск. Неделя летела за неделей, влюбленный Отто приехал вместе с Изабеллой и ее семьей в Висбаден, сорил деньгами, устраивал вечера с шампанским при свете луны, снимал номера в лучших отелях, поскольку не выносил даже мысли о том, чтобы выглядеть стесненным в средствах. Дела на личном фронте обстояли хорошо, и сам он намекал на то, что ему даже удалось добиться помолвки. Во всяком случае, в своих письмах Бисмарк уже называл семью Изабеллы своей семьей и говорил о предстоящем в марте бракосочетании⁴⁴. На свадьбу в Лестершир он приглашал двух старых друзей – Карла фон Савиньи⁴⁵ и Густава фон Шарлаха, с которыми был знаком со студенческих лет. Зимой он предполагал провести со своей избранницей в Неаполе или Париже. В дневнике самой Изабеллы, впрочем, исследователи никакой информации о помолвке обнаружить не смогли.

Но блистательные планы все время сталкивались с суровой реальностью. Пытаясь последовать за Изабеллой в Мюнхен, он обнаружил, что срок действия его паспорта истек. Прусское посольство в Штутгарте выручило его из затруднительной ситуации, однако с условием, что он вернется в Ахен. Однако Бисмарк злоупотребил доверием дипломатов и последовал за своей возлюбленной в Швейцарию. Попытка поправить свои финансы за ломберным столом стоила ему еще 1700 талеров – огромная сумма по тем временам. Переписка с Арнимом приобрела столь неприятный характер, что Бисмарк назначил своим «дипломатическим представителем» Савиньи, работавшего в том же учреждении и призванного утрясти все вопросы, связанные с самовольной отлучкой молодого повесы. «Я даю Вам неограниченные полномочия с целью добиться моего исключения из списка эмигрировавших референдариев, – писал молодой повеса. – Скажите, что я болен, мертв, помолвлен, женат...»⁴⁶

⁴² WIA. Bd. 1. S. 17.

⁴³ Цит. по: *Pflanze O.* Op. cit. Bd. 1. S. 60.

⁴⁴ WIA. Bd. 1. S. 14.

⁴⁵ *Карл Фридрих фон Савиньи* (Savigny; 1814–1875), немецкий юрист и государственный деятель, друг Бисмарка по Ахену; в 1840 году поступил на дипломатическую службу. В 1849–1859 годах прусский посланник в Бадене, в 1859–1863 годах – в Саксонии, в 1862–1864 годах – в Бельгии. В 1860-е годы являлся одним из ближайших помощников Бисмарка, затем внес большой вклад в создание Партии Центра, в начале 1870-х годов являлся главой ее фракции в Рейхстаге и Прусском ландтаге.

⁴⁶ GW. Bd. 14/I. S. 10.

О том, что произошло далее, точная информация отсутствует. Возможно, отец Изабеллы решил навести справки о финансовом положении претендента на руку его дочери и нашел оное не слишком удовлетворительным. Возможно, сам Бисмарк отказался от матримониальных планов, подробнее разобравшись в социальном и материальном положении девушки. А быть может, в происходящее вмешался отец Бисмарка – обычно поддерживавший своего младшего сына, он в этот раз решил, что дело зашло уже слишком далеко, и отказал в любом дальнейшем финансировании до возвращения Отто в Померанию. В любом случае осенью роману пришел конец. Попытка Бисмарка оправдаться перед начальством в Ахене (он отправил в октябре Арниму письмо из Берна) имела весьма ограниченный успех.

Остается спорным, насколько тяжело Отто перенес полученный удар. По мнению одного из самых авторитетных биографов «железного канцлера», Лотара Галла, бурный роман был скорее поиском выхода из жизненного кризиса, чем по-настоящему глубокой и сильной страстью⁴⁷. Восемь лет спустя в письме Шарлаху Бисмарк так вспоминал об этой истории: «Возможно, честолюбие, которое было тогда моим проводником, направляло бы меня и в дальнейшем, если бы прекрасная англичанка не заставила меня свернуть с пути, сменить курс и в течение шести месяцев непрерывно следовать в ее кильватере по иноземным морям. В конечном итоге я принудил ее к сдаче, она спустила флаг, но после двух месяцев обладания приз был снят у меня одноруким полковником в возрасте 50 лет, с четырьмя лошадьми и 15 тысячами талеров годового дохода. С тощим кошельком и больным сердцем я вернулся в Померанию»⁴⁸.

Разбитое сердце, испорченная карьера, огромные долги – такой неутешительный баланс Бисмарк подвел к концу 1837 года. Иметь дело с кредиторами пришлось еще довольно долго. Несколько проще было со службой. Хотя Бисмарк даже не потрудился на обратном пути из Швейцарии в Книпхоф захватить в Ахен – там его ждали только рассерженные начальники и многочисленные кредиторы, – ему разрешили продолжить карьеру в правительственном президентстве Потсдама. Как язвительно написал Арним, «можно только одобрить высказанное Вами пожелание перейти в королевскую администрацию старых прусских провинций, чтобы вернуться к напряженной служебной деятельности, к которой Вы безуспешно стремились в условиях Ахена»⁴⁹.

В Потсдаме, где Бисмарк приступил к работе в декабре 1837 года, он сделал еще одну попытку подчиниться бюрократической дисциплине. Работы было много – как он писал отцу, «если я ложусь на диван, то могу погрузить в документы обе руки до плеч»⁵⁰. Поначалу Бисмарк добросовестно справлялся со своими обязанностями, не забывая, однако, посещать кабаки и игорные заведения. Но энтузиазма и в этот раз хватило ненадолго. Уже весной он принял, наконец, решение поступить добровольцем на военную службу, к чему его давно подталкивал отец. Бисмарк пока еще лелеял себя надеждой, отслужив положенное, вернуться к попыткам построить статскую карьеру, впрочем, эта надежда вскоре растаяла окончательно.

В Пруссии с 1814 года существовала всеобщая воинская повинность, распространявшаяся на все слои населения: каждый юноша должен был отслужить три года. Однако для отпрысков обеспеченных семей существовал способ облегчить себе жизнь, записавшись в так называемые «добровольцы с одногодичным сроком службы». Такой доброволец сам обеспечивал себя всем необходимым, а его служба представляла собой, по сути, подготовку к получению офицерского чина, после чего он переводился в резерв.

Бисмарк был зачислен в Гвардейский егерский батальон, однако и здесь особого рвения не проявлял. Более того, юноша стремился поскорее распрощаться с казармой. Весной он

⁴⁷ Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. München, 2002. S. 43.

⁴⁸ WIA. Bd. 1. S. 46.

⁴⁹ Engelberg E. Op. cit. S. 146.

⁵⁰ WIA. Bd. 1. S. 18.

пытался оказаться в своем батальоне как можно позднее, чтобы сократить общий срок пребывания в строю, летом сделал безуспешную попытку прервать службу, сославшись на состояние здоровья, а затем постоянно испрашивал отпуск, чтобы навещать больную мать (как мы понимаем, не более чем предлог, учитывая их отношения). В своем отношении к перспективам военной службы Бисмарк был совершенно последователен, отрицая для себя всякую возможность строить карьеру профессионального офицера, столь типичную для прусских дворян, включая многих представителей его собственного рода.

Это может показаться парадоксальным читателю, в памяти которого отпечатались парадные портреты «железного канцлера»: кирасирская униформа, рука на эфесе сабли, на голове – блестящая медная каска, увенчанная острой пикой. Довольно странным это выглядит и с учетом традиций его семьи. После смерти Бисмарка в борьбе за память о нем оказалось пролито немало чернил в попытках доказать, что он являлся по своему характеру настоящим солдатом и руководствовался в своих решениях армейским духом⁵¹. Реальность выглядела прямо противоположным образом. Бисмарк, конечно, не был пацифистом; он считал армию важнейшим инструментом в руках великой державы. Однако никакой эмоциональной связи с вооруженными силами, характерной для стольких его современников, у него не было. Возможно, здесь свою роль сыграл пример отца, еще в молодые годы оставившего военную карьеру. Впоследствии, уже будучи главой правительства, Бисмарк жестко пресекал все попытки военного руководства распространить свое влияние на политическую сферу.

Если на ниве гражданской службы он полностью провалился, а военная ни капли его не прельщала, что оставалось делать молодому дворянину? Лишь одно: удалиться в свое поместье и управлять им, воплощая в жизнь тот самый сценарий, который всего несколько лет назад казался ему самому шуткой. Родители не стали перечить; мать уже была смертельно больна раком, к тому же аргументы в пользу сделанного выбора оказались весьма весомыми: не только загубленная карьера, но и накопившиеся долги, а также необходимость вплотную заняться имениями, находившимися не в лучшем экономическом состоянии. Идею о том, чтобы Отто занялся управлением поместьями, поддерживал и отец. Еще в 1838 году он писал сыну: «Тебе было бы лучше заняться имением, чем оставаться на государственной службе»⁵². Последняя, по мнению отца, не будет приносить никаких доходов и только помешает созданию нормальной семьи.

Однако не все оказались согласны с принятым решением, в том числе старший брат Бернгард. А кузина и юношеская любовь Бисмарка, Каролина фон Малорти, в длинном письме призывала его не дать пропасть выдающимся талантам: «У Вас великолепные знания языков; география и статистика – Ваши любимые предметы; Вы можете принести большую пользу Отечеству»⁵³.

На послание кузины будущий канцлер написал пространный ответ, без цитирования которого опять же не обходится ни одна его биография. И это далеко не случайно: Бисмарк подвел в нем своеобразный итог последних нескольких лет своей жизни и изложил свои убеждения. Приводя многочисленные доводы, побуждающие его оставить государственную службу, он писал о том, что способен приносить пользу обществу и в роли помещика. Однако ключевая причина заключается в том, что его «честолюбие больше стремится к тому, чтобы не подчиняться, чем к тому, чтобы повелевать»⁵⁴. Далее он описывал незавидное положение государственного служащего: «Деятельность отдельных чиновников у нас подразумевает мало самостоятельности, причем это касается и наиболее высокопоставленных; у всех же остальных она

⁵¹ См. напр. *Haß H.* Der Kanzler und das Heer. Berlin, 1939.

⁵² Цит. по: *Marcks E.* Op. cit. S. 157.

⁵³ Цит. по: *Engelberg E.* Op. cit. S. 149.

⁵⁴ GW. Bd. 14/I. S. 14.

в целом ограничивается тем, чтобы двигать административную машину по однажды проложенным рельсам. Прусский чиновник похож на музыканта в оркестре; играет ли он первую скрипку или на треугольнике, он вынужден исполнять свою партитуру, не видя и не влияя на целое, так, как ему предписано, вне зависимости от того, нравится это ему или нет. Однако я хочу играть ту музыку, которую считаю хорошей, или вообще не играть»⁵⁵.

Этого принципа он придерживался до самого конца своей жизни. Бисмарк в любой ситуации и на любой должности стремился действовать в соответствии с собственными воззрениями, и никому – включая монарха – не удавалось добиться от него простого исполнения приказов. Роль сельского помещика привлекала молодого человека тем, что он наконец-то становился своим собственным начальником, никому не подвластным и не подотчетным. Он прекрасно понимал, что выбранный путь не будет простым и беззаботным, но был к этому вполне готов.

Вильгельмина скончалась 1 января 1839 года. К этому моменту Бисмарк уже начал целенаправленную подготовку к предстоящей хозяйственной деятельности. Последние несколько месяцев военной службы он провел во 2-м егерском батальоне, входившем в состав II армейского корпуса и дислоцированном в померанском Грейфсвальде⁵⁶, что дало ему возможность посещать занятия в недавно основанной Королевской экономической и сельскохозяйственной академии. Насколько широко он воспользовался этой возможностью, доподлинно неизвестно, однако его стремление расширить свои познания об аграрной сфере несомненно: он даже писал своему другу Кейзерлингу, выбравшему для себя после окончания Берлинского университета естественно-научную стезю, с просьбой порекомендовать новейшие научные труды о земледелии. На Пасху, окончательно покинув казарму, он уехал в родные поместья.

В октябре 1839 года Бисмарк поставил точку в своей карьере чиновника, подав в отставку с государственной службы, на которой формально еще продолжал числиться. «Если господину фон Бисмарку удастся преодолеть свою личную лень, он будет способен ко всем высоким государственным должностям» – таков был вердикт начальства⁵⁷. Лень у талантливых людей объясняется, как правило, недостатком мотивации и дисциплины. С дисциплиной у Бисмарка действительно все было не очень хорошо; что касается мотивации, то желание быть винтиком огромной бюрократической машины тоже полностью отсутствовало.

В деревенской глуши Бисмарк надеялся обрести внутренний покой. В конечном счете все его прежние неудачи и поражения объяснялись в первую очередь внутренними метаниями, долгими и бесплодными поисками самого себя. Молодой человек был словно соткан из крайностей. Честолюбие, принимавшее порой нездоровые масштабы, и стремление во всем быть первым соседствовали в нем с неспособностью долго и упорно трудиться, а также подчиняться строгой дисциплине. Он крутил многочисленные романы, неоднократно подумывал о женитьбе – и все же в значительной степени страшился того, что узы брака могут стать тяжкими оковами. Он стремился взять от жизни все, погрузиться в пучину удовольствий, создать себе образ неудержимого кутилы – и в то же время отличался любовью к литературе и искусству. Разумеется, большинству современников его душевные метания и внутренние противоречия были совершенно не интересны; в Бисмарке видели молодого повесу, легкомысленного прожигателя жизни, неспособного к сколько-нибудь серьезной деятельности. Такая репутация сопровождала его еще долгие годы, как и шлейф долгов, оставшихся от веселой юности на берегах Рейна.

⁵⁵ GW. Bd. 14/I. S. 15.

⁵⁶ Уже после смерти рейхсканцлера 16 июня 1913 года этот батальон получит его в качестве вечного шефа и станет именоваться 2-м (Померанским) егерским князя Бисмарка батальоном.

⁵⁷ Цит. по: *Richter W. Op. cit. S. 28.*

Итак, первой задачей Бисмарка стало исправить финансовую ситуацию – как семейную, так и свою собственную. Весной 1839 года будущий канцлер совместно с Бернгардом взялся управлять тремя померанскими имениями. Через два года братья разделили между собой имения: старшему достался Ярхлин, младшему – два других. Нужно отметить, что Отто первым стал настаивать на разделе; ему хотелось полной самостоятельности. После смерти отца в конце 1845 года раздел приобрел окончательный характер: получив в наследство Шёнхаузен, Отто передал Бернгарду Кюльц.

Книпхоф пробудил в молодом человеке приятные воспоминания детства; прекрасная природа, неторопливая сельская жизнь представляли собой разительный контраст с бумажной работой в городских канцеляриях. Однако в еще большей степени радовало Бисмарка то обстоятельство, что он наконец-то оказался предоставлен самому себе. В те времена прусский помещик еще сохранял многие черты феодального властителя и являлся практически неограниченным господином в своих владениях. Он был не только собственником земли, но и обладал полицейской и значительной судебной властью, а также являлся патроном местной церкви. Проживавшие в границах имения крестьяне, несмотря на отмену крепостного права, во многих отношениях зависели от землевладельца и продолжали считать его своим господином. Это, безусловно, импонировало Бисмарку, который приложил большие усилия к тому, чтобы стать для местных жителей непререкаемым авторитетом. Роль патриархального помещика из классической консервативной идиллии очень нравилась ему. Впоследствии он неоднократно утверждал – возможно, со значительной долей преувеличения, – что его крестьяне готовы пойти за ним в огонь и воду. Отто с детства владел нижненемецким диалектом (так называемый платтдойч), который использовали в быту померанские крестьяне, и с удовольствием пользовался им до конца жизни.

Однако большую часть своей нерастроченной энергии Бисмарк употребил на то, чтобы привести в порядок дела в убыточном имении. Очевидно, что эту задачу он рассматривал не только с чисто экономической точки зрения, но и как определенный вызов, испытание, которое необходимо выдержать с честью. Возможно, именно поэтому молодой помещик проявил два качества, ранее мало свойственных ему, – склонность к упорному труду и экономии. В Книпхофе появилась большая конторская книга, в которую педантично записывались даже самые мелкие расходы. Вчерашний мот, словно по мановению волшебной палочки, превратился в экономного, даже прижимистого сельского хозяина. Впрочем, никакого волшебства здесь нет: в сельской глуши физически не существовало тех соблазнов, которые окружали юношу в Ахене или Берлине.

Одновременно Бисмарк стремился организовать хозяйственную деятельность в имении на современной основе. Он приобрел учебники по сельскому хозяйству, которые тщательно штудировал. Были введены в оборот новые методы обработки почвы, закуплены сельскохозяйственные машины. В итоге Бисмарку удалось достаточно быстро заставить поместья приносить доход.

Было бы весьма соблазнительно приписать это локальное «экономическое чудо» исключительно талантам молодого землевладельца. Однако существенную роль здесь сыграли внешние факторы. После длительного периода экономической депрессии, разорившей многих помещиков, в 1830-е годы начался постепенный, но уверенный рост цен на сельскохозяйственные продукты. Благоприятная конъюнктура существенно поспособствовала успехам Бисмарка, которые позволили ему медленно, но верно начать рассчитываться с кредиторами.

Казалось, молодой человек наконец-то нашел свое призвание. «Я зажил здешней жизнью, спас большую часть своего ожидаемого наследства, и это занятие нравилось мне в течение двух лет из-за своей независимости; я никогда не переносил начальства. В процессе своей служебной деятельности – частью из-за справедливого отвращения к ее окостеневшим формам, частью, особенно в последнее время, из лени и духа противоречия – я исполнился такой нена-

вистью ко всему, что связано с бюрократией, что даже отверг приятную должность ландрата, которая была предложена мне здешними сословиями и которую в итоге занял мой брат», – писал он Шарлаху несколько лет спустя⁵⁸.

Однако Бисмарку с его неумемной энергией довольно быстро наскучила жизнь в остэльбском захолустье. Задача по налаживанию хозяйства была выполнена, а кропотливо работать над дальнейшим его развитием было уже не так интересно. Как и в студенческие годы, он нашел выход в буйных развлечениях, которые довольно быстро обеспечили ему в округе репутацию «бешеного Бисмарка» (*tollen Bismarck*). Среди владельцев соседних поместий в изобилии ходили истории о соблазненных им деревенских девушках, ночных скачках по чужим пшеничным полям, о том, как он разбудил знакомого, остановившегося переночевать в Книпхофе, выстрелом в потолок из пистолета... Отто старался не пропустить ни одной охоты, ни одного праздника, происходившего в округе. Однако это уже не могло удовлетворить его и лишь позволяло на какой-то момент заполнить внутреннюю пустоту.

В 1841 году Бисмарк получил чин секунд-лейтенанта ландвера – в прусской армии для этого было необходимо не только выполнение определенных требований, но и избрание нового товарища офицерами одного из полков. Год спустя он перешел из пехотного полка в уланский – кавалерия считалась более престижным родом войск, а молодой дворянин был великолепным наездником, – для чего на пару месяцев вновь надел мундир. Бисмарк с удовольствием вращался в кругу молодых офицеров, но никакой тяги к военной службе по-прежнему не испытывал; очевидно, «уланский эпизод» был лишь одним из способов развеяться. Среди всего прочего, на маневрах он спас тонущего конюха, за что получил медаль, долгое время остававшуюся единственной его наградой.

Впереди замаячил внутренний кризис. Бисмарк не нашел себя ни на государственной службе, ни в роли военного, теперь и сельская жизнь начинала ему надоедать. В 1841 году он вновь задумался о том, чтобы связать себя узами брака. На сей раз речь шла о дочери одной из местных помещиц, Оттилии фон Путткамер, в которую молодой человек серьезно влюбился. Сама девушка была не против, однако ее мать категорически воспротивилась перспективе иметь в зятях «бешеного Бисмарка». Сначала она назначила потенциальному жениху годичный «испытательный срок», а весной 1842 года и вовсе заставила дочь написать лаконичный отказ. Неизвестно, насколько глубоки были чувства Отто, однако поражение в этом вопросе он воспринял весьма болезненно. Особенно возмутил его тот факт, что Оттилия недостаточно сильно любила его и склонилась перед волей матери. Бисмарк страдал от одиночества, он метался между желанием жениться, пусть даже без любви, и скептическим отношением к браку.

Чтобы немного развеяться и залечить сердечные раны, молодой помещик предпринял в июле – октябре 1842 года большое путешествие по Европе – в Великобританию, Францию, Швейцарию и Италию. В ходе этой поездки он подумывал не только о том, чтобы отправиться в Египет и Сирию (по тем временам места экстремального туризма), но даже о поступлении на английскую службу в Индии – однако, судя по всему, сам прекрасно понимал, что смена декораций не заполнит внутреннюю пустоту. Отто уже осознал, что спокойная жизнь сельского помещика его совершенно не удовлетворяет, что для самореализации ему необходимо нечто большее. Пока альтернатива отсутствовала, он продолжал развлекать себя всевозможными сомнительными выходками, которые только укрепляли его дурную репутацию среди соседей. Весьма показательна в этом отношении следующая история: в 1844 году, отправившись на ганноверский остров Нордерней на Северном море, Бисмарк отпустил себе бороду; после его

⁵⁸ GW. Bd. 14/I. S. 31.

возвращения среди местных крестьян ходила легенда, что ему запретили бриться, потому что он поспорил с ганноверским королем и спустил его с лестницы⁵⁹.

Душевный покой, к которому некогда стремился молодой дворянин, обернулся томительной скукой. Заранее известное, предопределенное до мелочей будущее владельца имения было тупиком. О том, какого размаха достиг внутренний кризис, терзавший Бисмарка, говорит его попытка весной 1844 года вернуться на государственную службу. Глава правительственного президиума Потсдама удовлетворил его просьбу с тем условием, что он «упорным прилежанием наверстает упущенное с момента увольнения со службы и сможет рассеять те предубеждения, которые, что не имеет смысла скрывать, возникают после ознакомления с личными делами, характеризующими его усердие на государственной службе в прежние годы»⁶⁰.

Опасения чиновника оказались не напрасными: не отслужив и двух месяцев, Бисмарк взял отпуск, из которого больше не вернулся. «Я больше не мог выдерживать одинокую жизнь сельского юнкера и сомневался, надо ли вернуться на государственную службу или отправиться в дальние странствия. Четыре месяца назад я снова пошел на административную работу, проработал шесть недель и нашел дела и людей столь же затхлыми и бесплодными, как и прежде» – так охарактеризовал эту интермедию сам Бисмарк⁶¹. Если положение самого маленького винтика в бюрократическом аппарате было невыносимым для вчерашнего студента, то можно себе представить, насколько тягостным оно выглядело в глазах полновластного хозяина поместья. Есть также основания предполагать, что финалом этой интермедии стал конфликт с начальством.

Бисмарк вернулся в Померанию, не имея четкой цели, не зная, как распорядиться собственной жизнью. «Скучаю так, что повеситься хочется, когда я тут один», – писал он отцу в октябре 1843 года из Книпхофа⁶². «Я безвольно плыву по течению жизни, не имея иного руля кроме минутных склонностей, и мне довольно безразлично, где меня выбросит на берег», – значится спустя год в другом его послании⁶³. А в январе 1845 года в письме Шарлаху он прямо называл свою «болезнь» – «скука от всего окружающего, граничащая с усталостью от жизни»⁶⁴.

Важной отдушиной для Бисмарка оставалось чтение. Молодой помещик одно за другим буквально проглатывал произведения Уильяма Шекспира, Джона Гордона Байрона, Иоганна фон Гёте, Людвига Уланда, других знаменитых в свое время европейских писателей. К числу его любимцев относился Генрих Гейне, чья острая ирония весьма импонировала Бисмарку. Помимо художественной литературы, Бисмарка интересовали работы по экономике и сельскому хозяйству, географии и истории. Немецкая исследовательница Мария Фелинг, тщательно изучавшая источники представлений Бисмарка об истории, датирует период наиболее интенсивного чтения приблизительно 1842–1845 годами. По ее словам, в библиотеке будущего канцлера можно было встретить книги по истории «всех монархов и народов Европы»⁶⁵, а также множество рассказов о путешествиях. Свою методику чтения сам Бисмарк описывал так: «Я читаю сперва начало книги, потом конец, потом местами в середине. Если эти пробы оказываются успешными, я читаю книгу целиком, в противном случае откладываю ее в сторону»⁶⁶.

Самым близким Бисмарку человеком стала в это время его младшая сестра Мальвина. Родившаяся в 1827 году, она провела несколько лет в берлинских пансионах, прежде чем вер-

⁵⁹ *Busch M.* Op. cit. Bd. 2. S. 119–120.

⁶⁰ Цит. по: *Gall L.* Op. cit. S. 52.

⁶¹ *WIA.* Bd. 1. S. 37.

⁶² *GW.* Bd. 14/I. S. 22.

⁶³ *WIA.* Bd. 1. S. 38.

⁶⁴ *GW.* Bd. 14/I. S. 31.

⁶⁵ *Fehling M.* Bismarcks Geschichtskentnis. Leipzig, 1922. S. 72.

⁶⁶ *Thadden-Trieglaff R.* v. Erinnerungen an den Fürsten Bismarck // Erinnerungen an Bismarck. Aufzeichnungen von Mitarbeitern und Freunden des Fürsten, mit einem Anhang von Dokumenten und Briefen. Stuttgart, 1924. S. 126.

нулась под родительский кров. Со старшим братом, с которым они до этого практически не виделись, Мальвина начала общаться в 13 лет. Они быстро нашли общий язык, поскольку были похожи характерами, да и интеллектом девушка не уступала Отто. Брат и сестра совместно вели хозяйство, напоминая временами супружескую чету. Отто играл роль покровителя и защитника, Мальвина заботилась о нем. Хотя совместное проживание продлилось не так уж долго – в октябре 1844 года семнадцатилетняя девушка вышла замуж за Оскара фон Арнима⁶⁷, друга молодости Бисмарка – сестра на всю жизнь осталась для «железного канцлера» одним из самых близких людей. Он очень тосковал в разлуке с ней и полушутя писал: «Как это неестественно и эгоистично, когда девушки, у которых есть холостые братья, вдруг выходят замуж»⁶⁸. Отто и Мальвина с тех пор находились в постоянной переписке, причем Бисмарк обсуждал с сестрой, которой безоговорочно доверял, даже политические вопросы, прислушиваясь к ее мнению в государственных делах. Их душевная близость дополнялась и укреплялась постоянным интеллектуальным диалогом.

В январе 1845 года в письме Шарлаху Бисмарк так описывал свою жизнь: «Я сижу здесь, холостой, очень одинокий, мне 29 лет, и я вновь здоров физически, но довольно невосприимчив духовно, веду свои дела с пунктуальностью, но без особой страсти, пытаюсь сделать жизнь своих подданных приятнее и без злобы смотрю на то, как они обманывают меня. В первой половине дня я исполнен недовольства, после обеда полон благими чувствами. Мое окружение – это собаки, лошади и помещики, среди последних я пользуюсь некоторым уважением, поскольку легко могу прочесть письменный текст, одеваюсь по-человечески и при этом могу разделать дичь с аккуратностью мясника, спокойно и дерзко скачу верхом, курю совсем крепкие сигары и с доброжелательной холодностью сваливаю своих гостей под стол во время попоек. Сам я, к сожалению, не могу опьянеть, хотя вспоминаю это состояние как очень счастливое. Я функционирую почти как часовой механизм, не имея ни особых желаний, ни сожалений; весьма гармоничное и скучное состояние»⁶⁹. Письмо выдержано в обычном для переписки двух друзей насмешливом тоне, однако оно свидетельствует о том тупике, в котором оказался молодой человек.

К своему тридцатилетию Бисмарк подошел в роли классического неудачника. Не сумевший построить карьеру, не удовлетворенный слишком тесной для него ролью сельского помещика, не сумевший найти себе достойную спутницу жизни, не понимающий, куда двигаться дальше... В биографии «железного канцлера» были и взлеты, и падения, но середина 1840-х годов стала, пожалуй, низшей точкой его жизненного пути. Однако уже в ближайшие несколько лет все должно было радикально измениться.

⁶⁷ Оскар фон Арним-Крөхлендорф (Arnim-Kröchlendorff; 1813–1903), землевладелец, тайный правительственный советник (1859), с 1844 года ландрат округа Ангермюнде. В 1867–1870 годах депутат Северогерманского рейхстага от Потсдама, в 1874–1877 годах – германского Рейхстага, член Имперской партии. Был женат на младшей сестре Бисмарка.

⁶⁸ WIA. Bd. 1. S. 44.

⁶⁹ WIA. Bd. 1. S. 48.

Глава 3. Свет в конце тоннеля

У внезапных и драматических изменений, если разобраться, часто оказываются весьма глубокие корни. События, произошедшие в жизни молодого Бисмарка в середине 1840-х годов, не являются исключением. Чтобы понять их, нам придется вернуться на несколько лет назад и обратить внимание еще на один важный аспект его биографии.

Многие жизнеописания выдающихся людей страдают одним серьезным недостатком. Концентрируясь на личности главного героя, они теряют из виду его окружение. Родные, друзья, соратники появляются лишь эпизодически, удостоиваются беглых упоминаний и часто выступают в роли простых статистов. В результате читатель невольно начинает воспринимать главного героя как солнце, в одиночестве сияющее на небосклоне. В реальности же было бы правильнее сравнить его с одной из звезд на ночном небе – возможно, очень яркой, но находящейся среди множества других, далеких и близких, больших и малых.

Читая об одиночестве и скуке, которые терзали Бисмарка в сельской глубинке, о его насмешливо-пренебрежительном отношении к провинциальным прусским помещикам («скорее многочисленной, чем интересной клике»⁷⁰), можно легко впасть в подобного рода заблуждение. Этому в немалой степени способствовал и сам молодой человек, создававший в своих письмах образ почти байронического героя. На самом деле его круг общения и на берегах Эльбы, и в Померании был весьма широк.

Прусское дворянство того времени представляло собой относительно небольшую, но сплоченную социальную группу. Разветвленные семейные кланы были крепко-накрепко связаны друг с другом густой сетью родственных, дружеских, деловых связей; все знали друг друга через одно, максимум два рукопожатия. Если же говорить об отдельных исторических регионах – таких, как Альтмарк или Померания, – то местные дворяне и вовсе напоминали жителей одной большой деревни: регулярно собирались на праздники, ездили друг к другу в гости, сплетничали, создавали брачные альянсы, крестили детей. . . Уже упомянутые выше Оскар фон Арним или Мориц фон Бланкенбург были не просто близкими друзьями Отто фон Бисмарка; за этими именами стояли большие семейные кланы, на протяжении веков связанные друг с другом.

Применительно к описываемому времени нас будут особо интересовать два поколения прусских (а точнее, померанских) дворян, с которыми взаимодействовал молодой Бисмарк. Первое – это поколение «детей», его примерных ровесников, близких друзей, собутыльников, товарищей во всевозможных приключениях. Второе – поколение «отцов»: главы семей в возрасте 50–60 лет, обладавшие авторитетом в своей среде, связями при Дворе, а порой и весьма серьезной формальной либо неформальной властной позицией. Именно «отцы» могли выступить в роли покровителей молодого человека и открыть перед ним новые возможности. Было бы удивительно, если бы Бисмарк с его несомненной способностью к нетворкингу не воспользовался этим шансом.

Одной из наиболее значимых для Бисмарка фигур из поколения «отцов» стал на рубеже 1830–1840-х годов Эрнст фон Бюлов-Куммеров⁷¹, принадлежавший к числу самых влиятельных померанских землевладельцев. Он безоговорочно одобрил решение молодого Отто посвятить себя управлению поместьем и в дальнейшем поддерживал с ним оживленную переписку. Сам Бюлов был весьма деятельной натурой – инициатор целого ряда бизнес-проектов (не все-

⁷⁰ GW. Bd. 14/I. S. 23.

⁷¹ Эрнст фон Бюлов-Куммеров (Bülow-Cummerow; 1775–1851), крупный землевладелец, в 1824–1831 годах член Померанского провинциального ландтага. С 1848 года президент Союза защиты интересов землевладельцев. Одна из ключевых фигур прусского консерватизма первой половины XIX века.

гда удачных), один из основателей сельскохозяйственной академии в Грейфсвальде, политик и публицист. В 1831 году при его деятельном участии был основан Регенвальдский союз, объединивший померанских помещиков, заинтересованных в развитии сельского хозяйства. Деятельность союза простиралась от совместной защиты интересов местных производителей до обсуждения достижений современной аграрной науки. Отто фон Бисмарк вплоть до 1848 года принимал в ней самое активное участие.

По своим политическим убеждениям Бюлов-Куммеров являлся консерватором, активно защищал интересы прусского дворянства, однако не был чужд реформаторским идеям. Что касается внешней политики, то здесь он выступал за изменение сложившегося в Центральной Европе статус-кво и за доминирование Пруссии в Германии. Есть основания полагать, что общение с ним оказало существенное влияние на формирование политических взглядов и концепций молодого Отто фон Бисмарка, оказавшихся во многом похожими на идеи Бюлова.

Однако по-настоящему судьбоносное значение приобрело для нашего героя другое знакомство. Речь идет о кружке молодых пиетистов, членом которого являлся его близкий друг Мориц фон Бланкенбург, и покровительствовавших этому сообществу влиятельных фигурах из поколения «отцов». Переписка Отто и Морица по религиозным вопросам началась весной 1843 года, и вскоре кружок пиетистов стал играть в жизни молодого Бисмарка весьма значимую роль.

Пиетизм появился в конце XVII века как одно из течений внутри германского протестантизма. Его основной особенностью был тезис о тесной связи человека с Богом. Пиетисты придавали большое значение внутренним религиозным переживаниям и личному благочестию. Вся жизнь – как частная, так и общественная – должна была, по их мнению, проходить в согласии с божественными заповедями. Новый Завет они рассматривали как своего рода практическое руководство к повседневной жизни. Популярности пиетизма у прусского дворянства способствовало то обстоятельство, что он в условиях первой половины XIX века олицетворял собой протест против идей либерализма и европейского Просвещения, ассоциировавшихся с ненавистной революцией и Бонапартом.

Как уже говорилось выше, глубокой религиозностью Бисмарк не отличался. Его взгляды биографы часто характеризуют как нечто среднее между деизмом и пантеизмом⁷². Он признавал существование высшей силы, но не верил в то, что она нуждается в исполнении смертными неких ритуалов и церемоний, постоянно наблюдает за ними и вмешивается в их повседневные дела. Молодые пиетисты привлекали его, вероятно, в первую очередь как интересные и неглупые собеседники, с которыми можно подискутировать – в рамках кружка собралась практически вся образованная и интеллигентная дворянская молодежь тогдашней Померании. Кроме того, ему импонировали отказ пиетистов от догматики и вера в способность человека общаться с Богом напрямую, без посредников – впоследствии это станет важной составляющей его собственных религиозных убеждений, – а также царившая в кружке атмосфера: радостная и спокойная уверенность в правильности избранного пути, которой так не хватало самому Бисмарку.

Вскоре, однако, у молодого человека появился еще один веский повод почаще встречаться с пиетистами. Речь идет о Марии фон Тадден-Триглафф – красивой светловолосой девушке на шесть лет младше Отто. Глубоко верующая, даже набожная, она была в то же время открытой, естественной и жизнерадостной. Ее внутренняя глубина, искренняя вера и целеустремленность привлекали Бисмарка; интерес быстро перерос в настоящее чувство.

В свою очередь, Мария увидела в беспокойном, мятущемся скептике, к которому прониклась искренней симпатией, идеальную почву для духовного просвещения – одной из составляющей пиетизма была убежденность в необходимости миссионерской деятельности. Ее завораживали сила и энергия, которые излучал Бисмарк (в одном из своих писем она назвала

⁷² *Marcks E. Op. cit. S. 249.*

его «померанским фениксом»⁷³). Наверняка сыграло свою роль и то, что Отто обладал весьма импозантной внешностью: высокий, атлетического телосложения, с короткими светлыми волосами, аккуратно подстриженными усами и густыми бровями, под которыми светились большие выразительные глаза, с мягким тембром голоса, – он был предметом тайных мечтаний многих молодых померанских дворянок. «Он выглядел молодо, но по сути был совершенно зрелым мужем», – описывал Бисмарка в 1846 году один из современников⁷⁴.

Эта история наверняка имела бы счастливый финал, если бы не одно крайне весомое обстоятельство: на момент знакомства Мария уже была помолвлена с Бланкенбургом. Сложился классический любовный треугольник – готовый сюжет для мелодрамы. Молодые люди тщательно скрывали свои чувства, хотя это давалось им все труднее. Их неудержимо влекло друг к другу. В своих письмах к подругам Мария не раз мимоходом сравнивала Отто со своим женихом, причем не в пользу последнего. Однажды, гуляя по саду вместе с ними обоими, Мария сорвала два цветка. Морицу она подарила синий – символ верности и преданности; на долю Отто досталась алая роза – символ страстной любви.

Свадьба Марии и Морица состоялась в октябре 1844 года. В отношениях между молодыми людьми это мало что изменило; Бисмарк был частым гостем в поместье Бланкенбургов Кардемине, они по-прежнему беседовали на религиозные темы, Мария все так же стремилась обратить молодого бунтаря к истинной вере. Однако Бисмарк был непреклонен, заявляя, что вера должна быть дарована свыше, и свежее испеченная госпожа фон Бланкенбург с досадой писала приятельнице: «Меня всегда приводила в уныние мысль о том, что один человек не способен помочь другому. Видеть человека, который так страдает от холода безверия, как Отто фон Бисмарк, весьма грустно»⁷⁵.

Одним из способов помочь ему – а также разрушить драматический треугольник – Мария сочла поиск для Бисмарка подходящей невесты. В 1844 году супруги Бланкенбург познакомили Отто с близкой подругой Марии, двадцатилетней Иоганной фон Путткамер (дальней родственницей вышеупомянутой Оттилии). «Было бы затруднительно воспевать ее красоту, а о духовной оригинальности и говорить не приходится» – так характеризует ее один из современных биографов Бисмарка⁷⁶. Мария фон Тадден описывала свою подругу как «свежий, бурлящий источник здоровья», «в ее внешности не было ничего красивого, кроме глаз и длинных черных локонов, она выглядит старше своих лет, говорит много, остроумно и бодро с любым человеком, будь то мужчина или женщина»⁷⁷.

Любви с первого взгляда не случилось, Иоганна по всем пунктам проигрывала Марии. Однако чета Бланкенбург не сдавалась и прилагала большие усилия для того, чтобы сблизить Отто и Иоганну. В письмах Бисмарку они прямым текстом рекомендовали ему не терять времени и начать процесс сватовства. Мориц шутя заявлял, что если Отто будет и дальше медлить, то он сам возьмет Иоганну второй женой. Однако изначально молодые люди не ощущали особой симпатии друг к другу, тем более что никакой интеллектуальной и духовной близости между ними не возникло. Сблизило их лишь романтическое путешествие по Гарцу, предпринятое летом 1846 года в компании других молодых дворян из окружения Бланкенбургов. Небольшая компания – две семейные пары, три девушки, два молодых холостяка – наслаждалась красотами природы, веселилась, много общалась на самые разные темы. Бисмарк играл в ней роль главного организатора и распорядителя. Романтическая обстановка оказала большое влияние на настроение Иоганны. «Какие это были дни, какие неповторимые, навек незабыва-

⁷³ Marcks E. Op. cit. S. 268.

⁷⁴ Keudell R. v. Op. cit. S. 2.

⁷⁵ Цит. по: Richter W. Op. cit. S. 37.

⁷⁶ Krockow Ch. v. Bismarck. Eine Biographie. München, 2002. S. 45.

⁷⁷ Цит. по: Schmidt R. Otto von Bismarck. Realpolitik und Revolution. Stuttgart, 2004. S. 23.

емые часы», – восторженно писала она матери в начале августа⁷⁸. Именно после Гарца между Отто и Иоганной завязалась переписка, поначалу довольно осторожная.

Развязка этой истории наступила неожиданно, хотя и соответствовала всем канонам мелодраматического жанра. Осенью 1846 года в Померании свирепствовала эпидемия тифа. Одной из ее жертв стала Мария фон Бланкенбург; она скончалась 10 ноября после трех недель страданий. Как вспоминал сам Бисмарк, узнав о тяжелой болезни своей подруги, он впервые за долгие годы искренне и страстно молился. Ее смерть стала для него тяжелым ударом; Мориц фон Бланкенбург едва ли не впервые видел этого сильного и ироничного человека плачущим. «Наверное, впервые смерть отняла у меня близкого человека, чей уход оставил большую и неожиданную брешь в моем жизненном окружении, – писал он сестре. – Потеря родителей иного рода [...]. Это ощущение пустоты, эта мысль о том, что я никогда больше не увижу и не услышу человека, ставшего для меня дорогим и необходимым, как мало кто еще, – все настолько ново для меня, что я никак не могу к этому привыкнуть, и произошедшее еще кажется нереальным»⁷⁹.

Считается, что потрясение от смерти Марии заставило Бисмарка отбросить свой прежний скепсис и обрести веру. Трудно сказать, насколько это соответствует истине; во всяком случае, дальнейшая биография выдающегося политика не дает оснований заподозрить его в ревностном благочестии. В то же время некая глубоко личная, внутренняя вера, убежденность в наличии высшей силы и вечной жизни у него значительно окрепла. Религиозное чувство и в дальнейшем было у Бисмарка весьма своеобразным и мало похожим на ту набожность, которая была характерна для пиетистов. Он часто читал Библию, но крайне редко появлялся в церкви. Кроме того, он не считал религиозные нормы основой для частной жизни и уж тем более для политической деятельности. Религия давала Бисмарку чувство уверенности в том, что мир вокруг него имеет некое разумное основание, цель и смысл, – уверенности, которой ему так не хватало раньше. Бог, могущественный и справедливый, был для него не советчиком и помощником в повседневных делах, а источником моральной силы, а также основой и оправданием существующего порядка вещей, с которым Бисмарк далеко не всегда был согласен внутренне.

Смерть Марии разом сдвинула с мертвой точки и отношения Отто с Иоганной. В декабре 1846 года они снова встретились в Кардемии; видимо, именно здесь молодые люди договорились соединить свои судьбы. Можно долго гадать, что происходило в душе каждого из них. По всей видимости, Иоганна действительно испытывала к Отто глубокие чувства. Много лет спустя, уже в старости, она однажды сказала, что никогда не была влюблена в своего мужа, но всегда любила его⁸⁰. Что касается последнего, то о яркой и сильной страсти с его стороны речь тоже не шла. Для Бисмарка это был в определенной степени брак по расчету – не в финансовом, но в более широком смысле. Он увидел в Иоганне идеальную супругу, способную дать то, чего ему так не хватало: тихую гавань, домашний уют, уверенность и спокойствие. Человека, которому мог совершенно и полностью доверять. Это не значит, что их отношения были лишены эмоций. Бисмарк явно испытывал к своей избраннице привязанность и нежность, которая со временем переросла в настоящее глубокое чувство.

Однако решения самих молодых людей было мало для заключения брака. Бисмарку предстояло получить согласие родителей Иоганны. Здесь нужно вспомнить о том, что его избранница была единственной дочерью глубоко религиозного провинциального помещика. Репутация «бешеного юнкера», гремевшая во всей Померании, могла до крайности затруднить сватовство. Поэтому незадолго до Рождества 1846 года жених написал длинное письмо своему будущему тестю, которое считается его первым дипломатическим шедевром.

⁷⁸ Цит. по: *Marcks E. Op. cit. S. 326.*

⁷⁹ *GW. Bd. 14/I. S. 45.*

⁸⁰ *Marcks E. Op. cit. S. 355.*

Задача, стоявшая перед молодым человеком, была непростой: ему предстояло убедить адресата в том, что все буйные развлечения остались в прошлом и он вступил на путь раскаяния и исправления. Бисмарк стремился создать у читателя ощущение своего рода исповеди, излагая всю историю своей жизни и не скрывая ее темных сторон. Письмо получилось весьма пространным; к достоверности изложенного в этой своеобразной автобиографии нужно относиться с большой осторожностью. В конечном счете, главной целью автора было убедить Генриха фон Путткамера в своей благонадежности, а не предоставить историкам ценный материал. Уже в первых строчках Бисмарк брал быка за рога, говоря о том, что намерен попросить у адресата «самое ценное из всего, чем Вы располагаете в этом мире»⁸¹. Безусловно, писал он, господин фон Путткамер знает его слишком плохо для того, чтобы рискнуть отдать в его руки столь ценное сокровище, однако «доверие к Господу может дополнить то, чего не в состоянии сделать доверие к человеку». Призывать в союзники высшие силы станет впоследствии одним из излюбленных риторических приемов Бисмарка. В данном случае этот аргумент был призван обезоружить религиозного отца: оттолкнуть раскаявшегося грешника значило бы глубоко согрешить самому.

В письме Отто рассказывал о своем детстве и юности, о том, как он «слепо ворвался в жизнь, попал, будучи то соблазнителем, то соблазненным, во все возможные плохие компании и считал дозволенными все грехи». Он рисовал классическую историю молодого человека, испорченного своим окружением, который лишь постепенно прозревает и обращается на путь истинной веры – образ, многократно обыгранный романистами того времени. Бисмарк рассказывал, как попал в кружок пиетистов, где впервые почувствовал душевное спокойствие и комфорт, как восхищался этими людьми, являвшимися «почти совершенными примерами того, чем я хотел бы стать», их глубокой верой и убежденностью. Однако сам он был лишен этой веры, и лишь внезапная болезнь Марии – здесь сюжет письма приближается к своему драматическому финалу – заставила его впервые обратиться к Всевышнему с искренней, идущей от сердца молитвой. «Господь не внял моим мольбам, но и не отбросил их, поскольку я не утратил способности молить его и почувствовал если не мир, то доверие и волю к жизни, каких не знал раньше». Именно так, писал Бисмарк, он начал свой путь к искренней вере. Венчал послание мастерский финал: «Как высоко Вы оцените это движение моего сердца, начавшееся лишь два месяца назад, мне неизвестно; однако я надеюсь, что оно не пройдет бесследно, какое бы решение относительно меня ни было принято. Это надежда, которую я могу выразить лишь своей предельной откровенностью во всем, что я рассказал Вам – и никому более – в этом письме, убежденный, что Господь поможет достойному»⁸².

Однако даже такой шедевр дипломатического искусства не смог принести его автору полного успеха. Прибывшее в Рейнфельд – имение Путткамеров – послание достигло своей цели только в том, что сватовство Бисмарка не было отвергнуто с порога. Однако растрогать родителей Иоганны, настроенных по отношению к потенциальному зятю весьма скептически, оно не смогло. Мать была против столь одиозной кандидатуры, заявив, что волк всегда забирает из стада лучших овец. Отец сначала реагировал весьма бурно – после прочтения письма он заявил, что ощущает себя быком, которого ведут на бойню, – но быстро успокоился. Сомневающийся в искренности претендента, но в то же время достаточно трезво смотревший на вещи, он отправил Бисмарку довольно туманное послание, наполненное цитатами из Библии и содержащее в себе завуалированное приглашение прибыть в Рейнфельд для дальнейших переговоров.

⁸¹ WIA. Bd. 1. S. 63.

⁸² WIA. Bd. 1. S. 66.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.